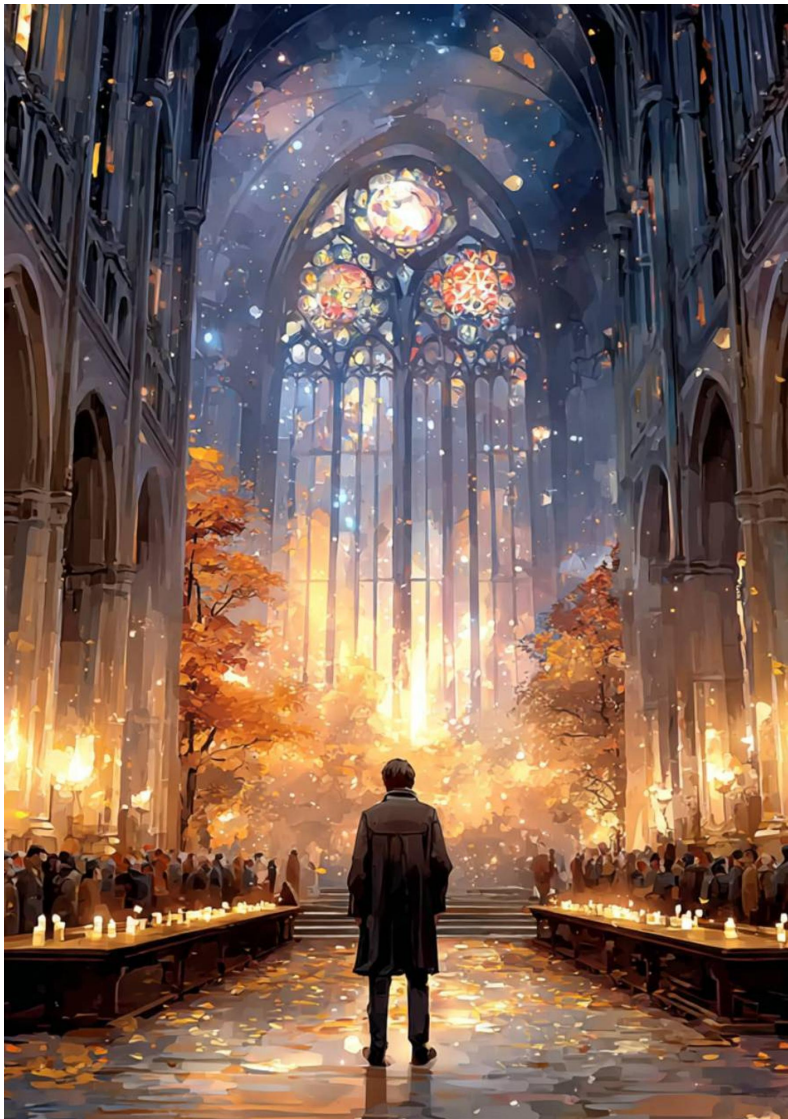

Ольга Рощина

После битвы. От первого лица

<https://litres.ru/74341724>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как помнят ночь битвы за Хогвартс те, кто ее пережил?

Каким было время после того, как война с Волдемортом закончилась?

Каждый персонаж рассказывает свою версию.

Содержание

Глава 1. Мальчик-Который-Выжил	4
Глава 2. Рон	11
Глава 3. Джинни	17
Глава 4. Джордж	25
Глава 5. Гермиона	32
Глава 6. Молли	41
Глава 7. Невилл	51
Глава 8. Артур	65
Глава 9. Драко Малфой	75
Глава 10. Минерва Макгонагалл	85
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ольга Рощина

После битвы.

От первого лица

Глава 1. Мальчик-Который-Выжил

Со временем многие подробности стали тусклее, словно подернулись пылью времени. Если честно, трудно к этому возвращаться. Словно отодвигаешь люк, смотришь в черный, бездонный колодец самых невыносимых воспоминаний, а оттуда тебе в лицо – обжигающий холод, пронизывающий до костей... Я стараюсь никогда его не открывать. Не приближаться. Даже не смотреть туда, где виднеется тяжелая крышка этого колодца. Просто знаю, что он – ТАМ, в глубине сердца. Он всегда заперт, потому что я не позволяю этому ледяному холоду управлять моей жизнью. Я не позволяю себе вглядываться в эту тьму, потому что слишком хорошо ее знаю. Даже сейчас, спустя много лет.

Все спрашивают, каким я запомнил то утро, когда все закончилось. Улыбаются, ждут великих откровений, рассказа о каких-то невероятных ощущениях от победы. Но ничего такого не было. Я был на ногах больше суток и смертельно устал. Я жаждал лишь немного тишины и покоя. Лишь ко-

гда вышел из кабинета Дамблдора, я осознал, что умираю от голода. Хотелось закрыть глаза и упасть. Ну, примерно так оно и было. Правда, в башню Гриффиндора я в то утро так и не попал (на входе был какой-то незнакомый портрет, а я не знал пароля), но мадам Помфри любезно уступила мне свою комнату.

Лишь много времени спустя я узнал, что весь день, пока я спал, у моих дверей дежурили гриффиндорцы. Если честно, это все Невилл. Пришел, сел прямо на пол, с мечом в руках. И пообещал отрезать голову любому, кто издаст громкий звук и, не дай Бог, меня разбудит... Но Невилл тоже был измотан до предела, поэтому он так и уснул сидя, сжимая рукоятку меча. И тогда рядом с ним сел еще кто-то. И еще... Так они меня и охраняли, ребята-однокурсники. Это так... Тепло. По-настоящему. Хотя в этом и не было необходимости — я почти сутки спал, как убитый. Кажется, даже ни разу не пошевелился. И выйдя на рассвете следующего дня, обнаружил у двери Рона, который громко сопел, привалившись лбом к косяку. Я старался бесшумно проскользнуть мимо, но Рон почувствовал. Вздрогнул, проснулся, поднялся. И обнял меня. Молча. И долго-долго не отпускал. И, честно признаться, в тот момент я не хотел ничего другого, потому что это было... Как возвращение к жизни. Как самый лучший якорь.

Рон... Да некому было бы сейчас откровенничать, если бы не он! Ворчливый балбес оказался самым сильным из нас.

Страшное, черное горе затапливало все вокруг, застило солнце и заполняло легкие, мешая дышать. Я разваливался на куски, бедняга Джордж попросту сходил с ума. А Рон... Он держал нас обоих.

Мадам Помфри настаивала на том, чтобы я отправился в больницу св. Мунго, что мне нужна помощь целителей. Но разве порошки и зелья могут помочь от такой черноты внутри? Я отказался. Едва выдержал похороны павших. И удрал от всех в дом на площади Гриммо. Думал, просто отлежусь в одиночестве. Чтобы никто не видел меня таким. Чтобы никого не отягощать своей тьмой. Не осквернять всеобщую надежду и радость тем ужасом, который разрывал меня изнутри. Сейчас я понимаю, что это бегство было ошибкой, но тогда мне казалось, что этим я оберегаю, защищаю их...

За те два или три дня, проведенные в полном одиночестве, я едва не спятил. Нашел на чердаке огневики (старые запасы Сириуса). Пил прямо из горлышка, потом кружил по заброшенному дому, пинал стены, бил какие-то вазы, орал на портрет Вальбурги Блэк такими выражениями, что даже эта мерзкая ведьма заткнулась... Швырял бутылки в стену с фамильным гобеленом и снова метался по дому до изнеможения. Бедняга Кикимер плакал, тщетно пытаясь меня унять. И сидел со мной по ночам, отгоняя дурные видения, которые изматывали и мучили меня.

Из черной воронки безумия меня вынула Джинни. Буквально – пришла, взяла за шкурку и как следует встряхнула.

Она не причитала, не жалела, не уговаривала – просто велела немедленно встать и умыться. Таким тоном, что никто не смог бы ослушаться. А потом снова притащила меня в Хогвартс. Помню, что я кричал на нее, что больше не могу, что ничего не хочу, чтобы все оставили меня в покое... Но едва вспышка ярости прошла, сразу осознал, что она права. Лучше заняться делом вместе с остальными, кто ремонтировал замок, чем ловить похмельных чертей и ссориться с портретом мадам Блэк...

Днем мы с Джинни работали, а после ужина уходили из замка, подальше от людей. Молча смотрели, как заходит солнце и появляются первые звезды. Это и было мое лекарство. Иногда тьма обступала со всех сторон, сгущалась и сдавливала так, что казалось, если я выпущу ее ладонь из рук, под ногами развернется бездна и я рухну вниз. Были минуты, когда ее руки, ее прикосновения были единственным, что вообще связывало меня с миром живых. Я не мог говорить, не чувствовал ничего, кроме чудовищной усталости и одиночества. Внутри будто все заledenело, превратилось в камень. Я не мог вспомнить, что такое радость или нежность. Внутри было так пусто и черно, будто это меня выжгло изнутри адским огнем, а не выручай-комнату... Джинни все понимала без слов. Она не торопила меня, не расспрашивала, не жалела, не дёргала. Она просто была рядом. Иногда я пытался ей грубить. Хотел улучшить момент, когда она обидится, и удрать. Хотел уберечь ее, избавить от той

тмы, которая разъедала меня. Чтобы эта чернота никогда не коснулась ее сердца. Мне хотелось лишь одного – забыться, сгнуться в воронке похмельного безумия. Но она снова и снова целовала меня, гладила по голове и шептала: «Доверься мне, Гарри. Просто доверься мне...» И я слушался. Слепо. Без сопротивления, без раздумий. Потому что Джинни была единственным, что было на этом свете настоящее. Она и была – сама жизнь.

Примерно через неделю, когда Джорджу стало немного легче и его можно было оставить без постоянного присмотра, в замке снова появился Рон. Теперь меня согревали две самые яркие и горячие искорки. Два рыжеволосых солнца. Поэтому заледенелая пустота внутри стала потихоньку таять...

К тому моменту, когда из Австралии вернулась Гермиона с родителями, я уже больше месяца безвылазно жил в «Норе», окруженный самыми нежными заботами мистера и миссис Уизли. Это был уже июль. В некогда шумном, веселом и теплом доме тоже многое изменилось. Джордж ушел в себя и почти не выходил из комнаты – с ним могли общаться только Рон и Молли... А я частенько приходил к Артуру в сарай и молча смотрел, как он перебирает разные железки, что-то паяет, соединяет или разбирает. Однажды он вдруг прижал меня к сердцу. Руки у него задрожали... Потом он вздохнул и хрипло проговорил: «Спасибо...» А я даже не смог ответить. Но это было и не нужно.

День рождения я отмечать не хотел. Но Уизли все равно собрались вместе, накрыли стол. Молли испекла такой же восхитительный торт, как и год назад, на совершеннолетие. Даже Джордж съел кусочек с явным удовольствием. А после обеда Артур подарил мне то, о чем я не мог даже мечтать – стрелку с моим именем. Ну, для их волшебных часов, что показывают, где находится каждый член семьи. Стрелку с именем Фреда они нашли на полу, когда вернулись домой после похорон – она сама соскочила с крепления и выпала... И в тот день, когда мне исполнилось 18, Артур вставил в часы новую стрелку. С моим именем. Кажется, я тогда даже не стал скрывать слезы...

Рон где-то раздобыл и вручил мне забавное зеркальце, которое либо делает комплименты и отпускает ехидные шуточки, либо подбадривает, если в нем отражается совсем уж унылая физиономия. Оно здорово меня развлекало, когда брился перед ним каждое утро...

Предусмотрительная Гермиона подарила мне сомнарус. На вид это был симпатичный сувенир из нескольких колец, скрепленных осью, похожий на астролябию. Его стеклянные кольца, напоминающие бублики, были наполнены каким-то особенным песком, который Гермиона контрабандой привезла из Австралии. Достаточно было чуть крутануть одно из колец, как весь прибор начинал вращаться. И песок внутри колец, приходивший в движение, издавал еле слышный шелест. «Работающий сомнарус изгоняет все дурные сновиде-

ния, — объяснила Гермиона. — Этот песок есть только в Австралии. Тот, который добывают в Европе, даже вполонину не такой эффективный. Поэтому я привезла немного. И попросила мистера Уизли помочь...»

Скажу прямо: без сомнаруса мы вряд ли пережили бы то тяжелое лето. Волшебный поглотитель кошмаров кочевал из моей комнаты в комнату Джорджа, где, признаться, оставался гораздо чаще. И стал для него настоящим спасением...

Пожалуй, пора закрыть крышку колодца. Простите. Лучше не взбалтывать, не поднимать со дна этот темный осадок. Тьма, знай свое место... Одно я знаю твердо: если бы не семья, меня бы здесь не было. Молли, которая обнимала меня, как родного сына. Артур, который отвлекал меня и учил разным магловским премудростям. Немногословный и теплый старина Билл, который без единого возгласа отдал в наше распоряжение коттедж «Ракушка» на все лето. И, конечно, Рон, Джинни и Гермиона, державшие меня каждую секунду, когда под ногами разверзалась пропасть.

Без них я бы не выжил.

Глава 2. Рон

Да что рассказывать-то... Не дай Бог никому пережить такую ночь. Беготня, взрывы, крики, стены падают. Стоны раненых, тела погибших. Внутри поминутно вспыхивает то горе, то ярость такой силы, что еще немного и тебя просто разорвет в клочья...

Фред сгинул в черноте той ночи. Джордж еще лет пять после этого вообще света белого не видел... Наш Тедди в одно мгновение остался круглым сиротой. Как начнешь вспоминать, в глазах темнеет.

Мы с Гермионой метались по всему замку, искали Гарри, а потом наткнулись на Невилла. Он сказал, что видел, как Гарри куда-то отлучился и велел ему убить змею... Это был первый и последний раз, когда я видел Гермиону в таком состоянии. Все тормоза отказали. Мы с Невиллом едва удерживали ее вдвоем, а она вопила, требовала, чтобы мы отпустили ее в лес, что она пойдет с ним... А спустя час в замок пришел Хагрид. И принес Гарри. Я таращился и пытался осознать то, что вижу. Все это просто в меня не помещалось. Если Гарри мертв, то почему жив я сам? Если его нет, зачем вообще все это? Какой-то полный идиотизм. Что значит, Гарри мертв? Этого ведь просто не может быть. Все исчезло, будто в гигантской чернильнице. Смысл, свет, воздух, люди. И только когда этот паршивый гад начал что-то плести про Гарри,

мол, он хныкал, умолял о пощаде и все прочее, меня будто по морде поленом треснули. И все чернила одномоментно вспыхнули, как лучший фейерверк Фреда и Джорджа. Больше никогда в жизни я не чувствовал такой ярости, как тогда. «Что ж ты плетешь-то, сукин сын. Будто я не знаю Гарри. Уж он-то наверняка сумел умереть, как мужчина. Думаешь, что все кончено? Черта с два...» Снова завязалась заварушка, опять грохот, звон стекла и свист заклятий. И вдруг у них что-то сломалось: Джордж с Ли Джорданом связали Якли, мы с Невиллом упаковали Сивого, а Флитвик одним ударом уложил скотину Долохова...

Я никому никогда не говорил об этом. Но когда все разгорелось вновь, а пожиратели посыпались один за другим, как семечки, у меня в голове билась только одно: «Гарри». Я беззвучно орал его имя куда-то в пространство, и каждый поверженный пожиратель был для меня доказательством того, что Гарри меня слышит. Словно он по-прежнему в гуще схватки, вместе с нами. И помогает нам. Каждый раз, когда над головой летел зеленый луч, в голове вспыхивало: «Гарри! Не уходи далеко, дружище, дождись меня...»

А потом – сами знаете. Он вдруг возник из ниоткуда. Кажется, Невилл не дал мне упасть, ноги не держали... Это было что-то невообразимое, непонятное. Мы же видели его мертвым, понимаете! А он снова стоял перед нами. И... Сила, которая от него исходила. Я больше никогда не видел ничего подобного. Мы все, кто был в зале, просто вжались в

стены и тут же забыли, как дышать. Боялись пошевелиться, старались расслышать каждый его вздох, каждое слово... А сила, которую излучал Гарри, расходилась по залу кругами, наполняла пространство, закручивалась спиралью. А потом – один крик, грохот. И всё. Пружина лопнула и всё закончилось. Труп на полу и Гарри, выжатый, ослабевший, стоит в лучах рассветного солнца, опустив плечи...

Я не помню, как рванул вперед. Но когда вцепился в него, когда ощутил, что он действительно живой, теплый, из плоти и крови... Я будто родился второй раз. Из него будто вся энергия вышла. Просто стоял молча, а его тянули в разные стороны, будто каждый стремился оторвать от него кусок по-лучше. А мне хотелось схватить его в охапку, утащить по-дальше, спрятать. Огромная толпа теснилась вокруг, невозможно было вырвать Гарри у всех этих людей, как я ни пы-тался. Его терзали все утро, а он молча терпел. Откуда силы, так и осталось загадкой...

Что потом? Тяжко было, если честно. Гарри сбежал сразу после похорон, решил, что требовать к себе внимания это эгоизм, что он не должен никого напрягать... Я бы бросился за ним и приволок обратно, но Джордж в те дни был совер-шенно невменяемый, его нельзя было оставить даже на ми-нуту. Я хоть как-то мог с ним сладить. Джинни ухаживала за матерью, папа был с Перси...

Помню, что мы вернулись домой, а стрелка из часов с именем Фреда лежит на полу кухни. Мама подняла. Ей ста-

ло плохо. Но вообще они с отцом держались героически. А вот Джордж... Он закрылся у себя и вообще перестал выходить. Не ел, не разговаривал. Мама пыталась — без толку. «Да, мам. Хорошо, мам. Потом...» и все в том же духе. Односложные ответы одним и тем же бесцветным тоном. И взгляд пустой...

Вечером я слышал, как на плече отца рыдает мама. «Я не могу его потерять, не могу...» Не выдержал. Вломился к Джорджу, как тролль в туалет. Он был, как призрак. Серый, осунувшийся. «Мы с Фредди заняты, ты нам мешаешь, Рон!» Понимаете, он... В общем, с зеркалом шептался. Полная психушка. Первым делом я, разумеется, расколотил это зеркало. Ох, Мерлиновы кальсоны, как же Джордж на меня орал... Я думал, дом рухнет. Осколки пытался схватить. Пришлось силу применить. Но этот взрыв... В общем, сработало. Пришлось еще три или четыре дня провести с ним, но зато его кошмарное оцепенение закончилось. Когда он заплакал, я вздохнул с облегчением...

Мы с ним каждый день ходили на аллею павших. К Фредди. Он часами мог там сидеть. Молча. Как тень. Я не видел ничего страшнее...

Потом стало чуть полегче. Джорджи заговорил с мамой, потом с отцом, стал спускаться к обеду, и стало понятно, что дело пошло на поправку. Ну, и я рванул к Гарри. Я едва мог его узнать, если честно. Не, он был совершенно адекватный, ничего такого. Но все равно жутко. Даже трудно объяс-

нить. Ну, будто от человека только черно-белая штриховка осталась. Говорил вежливо, ровно так, безо всяких эмоций. Полнейшая отключка. Джинни выгуливала его по вечерам, он послушно ходил с ней, как собака. Попросишь сесть – сядет. Попросишь что-то сделать – сделает. А глаза пустые. Ну, в общем, я забрал его в «Нору», чтоб не метаться между Хогвартсом и домом. Как ни странно, но Гарри начал подавать признаки жизни, только когда Джорджа увидел, его состояние... Мы проговорили с ним всю ночь. Тогда, наконец, в Гарри сломался «супермен». Он снова стал собой. Настоящим. Знаете, передо мной тогда был будто не взрослый парень, а совсем мальчишка, который до смерти испугался ночной грозы... Доверчивый, как котенок. Идиот, он ведь еще прощения у меня просил, что грузит меня своими трудностями. А я ругался шепотом, на чем свет стоит. Чтоб не разрыдаться, как маленькому...

Как я с этим справлялся? Будто у меня были какие-то другие варианты. Гарри надо было собирать по кускам. Про Джорджа я вообще молчу... Что еще мне было делать? Сжать зубы и волочь. А как иначе-то? Или я похож на уroda, который распустит нюни и бросит брата на съедение дементорам? Черта с два...

Меня Гермиона в то лето спасла. Когда вернулась из Австралии. Мы решили все вместе пару недель в «Ракушке» пожить, у моря. Джинни приглядывала за Гарри, а меня Гермиона взяла в оборот. Ох, если бы не она...

Да, все уже в прошлом. Проехали. Конечно, иногда и ко мне это возвращается. Я ж тоже не из железа. Но к этому привыкаешь. Как человек привыкает жить без ноги или без глаза. Я привык каждый день скучать по Фредди и приглядывать за Джорджем и Гарри. И если я должен держать их, значит, буду держать.

Джордж – мой брат. И я люблю его.

А Гарри... Он просто Гарри. Он даже больше, чем брат. Мы же с ним как две стороны одного галлеона. Я без него никак. И он без меня.

Так и живем.

Глава 3. Джинни

Если рассказать честно о том, что мы тогда пережили, то половина текста будет состоять из отборных ругательств, а вторая половина — из истошного воя...

Гарри пропал на целый год. Я изнывала на дурацких уроках, терпела хамство Кэрроу, и каждый день сгорала от тревоги за мое самое драгоценное «Нежелательное Лицо Номер Один». И за брата, ушедшего с ним. И за свою лучшую подругу, объявленную в розыск как крайне опасную преступницу... Отсутствие новостей, как известно, тоже новость. И каждый раз, не обнаружив на первой полосе «Ежедневного пророка» ни единого слова о поимке Гарри, я могла перевести дух. И ждать следующего утра...

И в ту ночь я впервые за много месяцев увидела его в выручай-комнате. Мы на миг встретились взглядами. Изумрудная вспышка самого обжигающего пламени — и он снова отвел глаза. Но я все поняла: ничто не изменилось. Ни наша любовь, ни его решимость. И в ту минуту он по-прежнему продолжал свой путь. Исполнял свое проклятое предназначение. Свой долг. Гарри всегда был таким, и я всегда это знала. Пока он не отдаст другим людям все, что должен, до последней капли, он не остановится. Не обернется. И бессмысленно терзать его хныканьем, уговорами или претензиями. Это не заставит его передумать — лишь сделает ношу

вдвое тяжелее. Нет, я лучше умру, но никогда не добавлю даже грамма к грузу, который он несет на своих плечах... Он никогда не жалуется, просто тащит, сцепив зубы. Вечная самоотверженность, вечное геройство, доходящее до идиотизма. Наверное со стороны это выглядит красиво. Эдакий романтический герой без страха и упрека. Лишь я знаю, какой страшный огонь пожирал его сердце, когда он усилием воли отрекся от счастья, от любви, от жизни. Когда отпустил меня. Вернее, пытался отпустить — ни одной секунды я не чувствовала себя свободной от него. Мне никогда и никто не был нужен, кроме Гарри. И он знает это...

В ту ночь я была со всеми. С годами сама битва сбилась в памяти в бесформенный комок из взрывов, пыли, криков, чудовищного страха и не менее чудовищного гнева. Мы сражались, пытались защититься, выжить. Помочь другим... И то страшное затишье. Мертвый Фредди с улыбкой на посиневших губах. Почерневший, будто сгоревший заживо Джордж... Стоны раненых среди горящих руин, их нужно было вытащить, успокоить, отнести в укрытие. Я была там, вместе со всеми. Плакала, утешала маму, потом пыталась помочь раненым. Но, если честно, все это имело какой-то смысл только потому, что где-то в чернильной тишине той ночи я постоянно слышала дыхание Гарри. Просто знала, что он жив. Потому что из биения его сердца была соткана вся моя вселенная.

А потом — ЭТО. Рыдающий Хагрид, а у него на руках...

Даже сейчас все внутри начинает болеть, как вспомню. Это было противоестественно, страшно и странно: я своими глазами видела его тело, видела безутешное горе Хагрида, который прижимал его к сердцу. А мозг все равно отказывался обрабатывать эту информацию. Весь мой организм отторгал эту картину, эту реальность. Если я дышу, значит, Гарри просто не может быть мертвым! Ведь он — мой воздух...

Этот гад что-то говорил. Глядел свысока на лежащее на траве тело и издевался, глумился... Никогда не слышала более неправдоподобной и более жалкой лжи. Мой Гарри, который был способен без единого стога вырвать из груди сердце и уйти, не оглядываясь, если только это поможет спасти мир... Он принял бы смерть, глядя ей прямо в лицо. Он за всю жизнь ни разу не струсил. И никогда бы не дрогнул! Это была не просто ложь — это было кощунство.

Меня всю трясло, я едва не бросилась на эту пададь, спасибо, кто-то из стоявших рядом удержал. До сих пор не знаю, кто это был. И в ту же секунду оглушительный, нереальный кошмар взорвался, как петарда. Молодчина Невилл, не подвел. Всегда знала, что он гораздо храбрее, чем все думают. Ну, и понеслось. Снова крики, грохот, вспышки заклятий, град стрел. Все смешалось, на меня налетела Гермиона, потом подбежала Полумна. И мы втроем снова оказались в самой гуще... Искаженное, страшное лицо хохочущей Беллатрисы мне иногда снится до сих пор. Когда ее заклятие пролетело в дюйме от моей головы, я даже не успела испугать-

ся — страх парализовал меня лишь в следующее мгновение, когда мама, на ходу сбрасывая мантию, отшвырнула меня с дороги и сама бросилась в бой. Я не могла даже вздохнуть от ужаса — Фредди, Гарри, Люпин и Тонкс. Если еще и мама...

Страхи были напрасны: моя нежная, щедрая, заботливая, добрейшая мамочка разделала эту мерзкую ведьму, как ростбиф на кухонном столе. Это было великолепно и даже немного страшно, ведь мама разве только огонь не изрыгала. В общем, против нее у Беллатрисы не было ни единого шанса...

А дальше... Гарри вернулся. Мы с девчонками держались друг за дружку. Я чувствовала, как Гермionу всю колотит, она едва держалась на ногах. А я... Если честно, в том зале я наверное была единственной, кто не был шокирован его появлением. В мироздании просто все встало на свои места. Я ЗНАЛА. Если я дышу, если мое сердце бьется, значит, Гарри жив! Просто не могло быть по-другому, понимаете?

Он был в центре, стоял напротив той гниды, смотрел ему в глаза и говорил. Так спокойно, так просто. Безо всякого пафоса. Но каждое слово было заряжено невероятной силой и летело в пространство, как арбалетный болт. Как камень в воду, от которого потом расходятся круги. Я чувствовала эти волны, все их чувствовали. Гарри был такой... Не знаю даже, как описать. Он впервые действительно был Гарри Поттером. По-настоящему стал самим собой. Тем, кого я угадала и полюбила с первой же встречи. Прямая спина, отважный, пронзительный взгляд. Ни капли страха, сомнений или

гнева. Полное самообладание и свобода. Это был мой Гарри. Он будто видел то, что было скрыто от других. Слушал пространство, отсчитывал секунды и ждал подходящего момента. А сила, которая кругами расходилась от него по залу, сворачивалась, сгущалась и концентрировалась в ладони, в которой он держал волшебную палочку...

Все кончилось мгновенно. Одним взрывом. И кольцо, сжимавшее всех нас, наконец лопнуло. И стало тихо. Я еще секунду или две просто смотрела на него. И знаете, все исчезло. И эта мощь, которую он излучал, и чудовищное напряжение, которым был заряжен воздух. Кажется, Гарри тяжело перевел дух, опустил плечи. И после этого мы все будто очнулись от цепящего заклятия. И устремились к нему...

Первым был Рон, разумеется. Он налетел на него сзади, вцепился в плечи и заплакал, как ребенок. Я смогла лишь на несколько мгновений схватить его за руку, просто чтобы удостовериться, что это не сон. Что все происходит на самом деле. А потом я отошла в сторону, а Гарри утонул в огромной орущей толпе, которая рвала его на части. Он позволял им всё и не говорил ни слова... Да, в его духе — отдать всего себя, до последней капли. Только так он мог, наконец, все это закончить. И лишь после этого мы с ним могли начать всё сначала.

А что потом? Я всегда знала, что с ним не будет легко. Гарри никто не учил просить о помощи. Ему с детства вбивали в голову, что показать кому-то свою уязвимость и боль

— это стыдно. Его боль для Дурслей была лишь поводом для насмешек. Он привык справляться со всем один, сцепив зубы.

В общем, Гарри по привычке наглухо зачехлился и замолчал. Очень долго молчал. Вначале попытался даже удрать от всех, закрылся на площади Гриммо, как в гробу... Потом позволил мне просто быть с ним рядом. Правда, иногда пытался изобразить грубияна — чтоб меня отогнать. Думал, что я уйду. Дурачок... А когда становилось совсем худо, прятал лицо у меня на плече и замирал. Мы с ним могли часами так сидеть. Лед таял медленно...

Его несколько лет мучили кошмары. Он очень долго не мог засыпать в одиночестве, а попросить кого-то побыть рядом было для него подвигом, сравнимым с убийством василиска... Но ему даже не нужно было просить. Мы понимали... Сначала его мама укладывала. Знаете, почти как малыша. Разве что колыбельные ему не пела... Гарри не мог ее оттолкнуть. И так понемногу научился принимать помощь и заботу. Перестал стесняться и сердиться. Потом Рон сидел с ним. Иногда я. И, конечно, у нас дома была лучшая коллекция сонных зелий в стране. Даже Рон, который всегда терпеть не мог зельеварение, стал экспертом по приготовлению самых разных снотворных отваров.

Гарри сильный. Наверное, самый сильный человек, которого я знаю. И, конечно же, он научился жить заново. Привык к тому, что у него есть семья, что его любят и всегда

поддержат. Потихоньку оттаял, ожил, начал улыбаться. Видели бы вы, как они с Роном отрывались на нашей свадьбе, которую мы сыграли спустя два года! О том, как веселились два наших знаменитых жениха, до сих пор легенды ходят. Хотя, признаюсь честно, и мы с Гермией тоже не сидели в сторонке...

Все хорошо. Правда. Он лучший муж и лучший отец, какого можно вообразить. От него невозможно скрыть даже малейшую занозу — он всегда чувствует, когда мне плохо. Когда я злюсь или расстроена. Когда мне нужна помощь. Нам всегда хорошо вместе. А для младшего поколения семьи Уизли Гарри — кумир и настоящая душа компании. Он часами возился с ними, пока они росли. Ползал на коленках по всему дому, строил настоящую железную дорогу, устраивал битвы на подушках. Когда внуки собирались у бабушки в «Норе», Гарри всегда был с ними. Да что там говорить! Они до сих пор беззастенчиво вяют веревки из «дяди Гарри», а нашей младшей, Лили Луне, достаточно соорудить грустное личико — и папа уже готов в лепешку разбиться, чтобы его драгоценная девочка улыбнулась...

Кстати, Рон такой же сумасшедший папаша. Гермия в первые годы еще пыталась призвать его к здравому смыслу, но без толку. Так что строгие родители — это мы с Гермией. Нашим папам это испытание оказалось не под силу.

Да, сейчас все хорошо. Но нельзя сказать, что прошлое осталось позади. Есть раны, которые не заживают до конца.

У Гарри до сих пор бывают дни, когда чернота поднимается из темных глубин памяти... У него сразу меняются глаза. И мы все хорошо знаем этот застывший взгляд, обращенный куда-то вглубь себя. Но теперь он уже не прячется, как раньше. Теперь он знает, что если довериться другу, разделить с ним свою ношу, станет гораздо легче.

С Гарри непросто. Но он всегда слышит меня. Он каждый день учится. А я... Я люблю его. Любым. Всегда.

И Гарри знает это.

Глава 4. Джордж

Битва за Хогвартс. Хорошенькая задачка...

Не каждому выпадает шанс рассказать о собственной смерти. Но мой врач давно меня предупреждал, что однажды мне обязательно нужно будет сделать это. Вынуть это, вернуть наизнанку, вытряхнуть из себя. Почему бы не сделать это сейчас?

Я умер в ту ночь.

Нет, это не красивое выражение и не преувеличение.

Первый раз в жизни мы с ним были порознь. Не спрашивайте — я не помню, почему так вышло. Почему меня не было рядом с ним в тот миг. Где я был...

В первые годы мне часто снилось, что я бегу по коридорам Хогвартса, пытаюсь его найти. А когда наконец нахожу, протягиваю руки, он улыбается, взмывает вверх и улетает через разбитое окно... Он всегда в своей старой спортивной мантии для квиддича. Алое пятно его мантии исчезает в черноте ночного неба, а я остаюсь стоять внизу и смотрю в это проклятое окно.

Кажется, я до сих пор там стою. Хотя прошла чертова прорва времени.

Он ведь не просто мой брат — он это я. Лучшая часть меня самого.

Это была не боль — это смерть. Я был вырван из своего

тела. Туловище без души — самое главное он унёс с собой.

Я хотел последовать за ним. Великий Мерлин! Это всё, чего я хотел. Но когда схватка разгорелась вновь, мы щелкали этих мразей, как тараканов, одного за другим, без всякого ущерба. И — что за проклятье! — у меня ни единой царапины.

Что было потом? Я почти ничего не помню. Какие-то обрывки. Большой зал и его бледное лицо в гробу. Кладбище. Мамины рыдания. А дальше — черный провал. Где я был и что делал? Лучше спросите у Рона. Он все это видел. Первое, что встает перед глазами, когда я пытаюсь восстановить события в памяти — это драка с Роном. Помню звон разбитого стекла. Как он со всей дури съездил мне по морде, а потом связал простыней, опрокинул на пол и молча сидел рядом, слушая все, что я думаю о жизни, о смерти, о нем, об этом чертовом мире и о своей чертовой судьбе. В конце концов я устал и охрип, а он просто сгреб меня в охапку и разрыдался. И его слезы... Они были горячее, чем расплавленный металл. Мне казалось, что ожоги на коже навсегда останутся.

Мы несколько дней боролись. Я не хотел жить, а он вломился в мою гробницу — простите, в комнату! — и прямо с порога отказал мне в праве умереть. Наотрез. Без обсуждений. И все-таки победил, паршивец. Рон вернул меня в мое собственное тело. Не отходил от меня даже на минуту. Я ненавидел его за то, что он не дает мне уйти туда, к нему...

В конце концов Рон разделил меня с ним. Заставил раз-

жать пальцы и отпустить край алой спортивной мантии, позволить ему ускользнуть от меня в темное небо... Это было как вторая смерть. И — новое начало, от которого я отказывался с такой яростью. Согласиться жить в мире, где больше нет его? Ни за что! Я бы никогда не согласился, если бы не Рон. Я засыпал и просыпался на его плече, в его крепких, горячих руках. Он постоянно сидел рядом. Кормил. Поил. Заставлял умываться, помогал бриться и одеваться. И так день за днем. Потом укладывал в постель, поил сонным отваром и обнимал. Он храпел мне в ухо, но даже на мгновение не разжимал руки. Просыпался от моих криков, успокаивал. Снова обнимал. И так ночь за ночью.

Однажды утром я проснулся чуть раньше него. Лежал и слушал его сопение. Рон вцепился в меня, как клещ. Наметрво. Упрямо. И рядом с ним было так тепло. Так спокойно. Внезапно я почувствовал нестерпимый стыд, такой, что впору было башкой об стену биться. Он всегда был такой... Немножко нелепый, что ли. Но в ту минуту он был такой теплый и до такой степени родной, что я в одно мгновение осознал, что вел себя, как последний эгоист. Что ему тоже чертовски больно, а мне было на это плевать. Что он будет сидеть со мной в обнимку до конца жизни, но ни за что не даст мне сгинуть. Что он мой брат. И он любит меня. Я никогда не ценил его по-настоящему, а он вломился в мой ад, разнес в щепки мой гроб и наотрез отказался уходить.

Он любил меня, черт подери. А я любил его.

Слезы сами хлынули. Я даже не успел осознать. Рон тут же проснулся, встрепенулся, обнял меня еще крепче и зашептал: «Я здесь, брат. Я здесь, я рядом...» Как и все ночи до того.

Я обнял его крепко-крепко. В первый раз за те дни. А потом плакал, пока в организме не кончилась вся жидкость. Оплакивал свое поражение и изнывал от чувства вины. Задышался от нежности. От горя. От благодарности.

С того дня все потихоньку стало меняться.

Он победил. Малыш Ронни оказался настоящим львом.

Он не знает, разумеется, но Анджелина называет его моим Патронусом. «Эй, Джорджи, твой Патронус прислал сову. Поступил новый заказ из Будапешта». Что ж, нельзя найти определение точнее. Теперь он совладелец «Вредилок», крутой бизнесмен. Ничего этого не было бы, если бы не он. Когда я не мог сотворить даже простейшее «репаро», Рон каждый день заставлял меня ходить в Косой переулок. Ремонтировать поврежденный магазин, восстанавливать товары. Вспоминать рецепты и переписывать их от руки. Потом магия ко мне вернулась. И я учил его всему тому, что мы раньше делали вдвоем. Я злился, ругался, когда у Рона не получалось. Но он не сдавался и вскоре я уже с удивлением наблюдал, как из сделанной им хлопушки вылетают великолепные разноцветные бабочки...

Помню, мы как-то говорили с Роном, сидя вечером на крыльце. «Он наверное презирует меня за слабость», — по-

сетовал я. «Неизвестно, что бы он делал на твоём месте, — тут же проворчал Рон. — И из какой задницы пришлось бы его вытаскивать...»

Мой Патронус. Долговязый, лохматый. Рыжий. С дурацкими шуточками и ещё более дурацким ворчанием по любому поводу. Упрямый, как тролль. Теплый, как печка.

Только ради него стоило попробовать остаться в живых, знаете.

Я всем ему обязан. Тем, что дышу. Что не заперт в психушке, а живу как нормальный (ну, почти) человек. Что магазин — единственное, что осталось — не развалился, и по-прежнему работает и даже процветает. Да если бы не Рон, я бы и не женился. Тоже его рук дело. Анджелина тоже никак не могла научиться жить в мире без него. И я не мог. Так и покатилося... Она помогала мне, а я — ей. И однажды мы решили: раз уж он удрал и оставил нас здесь, лучше скоротать время вместе. Сначала вдвоем. Потом появился младший. Потом моя малышка Рокси... Так потихоньку и втянулись.

Стало ли легче? Не знаю. Иногда кажется, что да. Когда Рокси сверкает своими глазами-бусинками и поет мне свои уморительные песенки, я чувствую себя таким счастливым, что, кажется, ещё немного и снова смогу сотворить патронуса... Но — нет. Не могу. Вряд ли когда-нибудь сумею. Я многое теперь не могу. И даже сейчас я порой думаю о том, что это чересчур. Ни один человек на земле не должен испы-

тивать ничего подобного. Но потом в магазин вваливается Ронни, я слышу, как он выдает своим басом какую-нибудь смешную глупость. И мы хохочем...

Едва появляется мой Патронус — тьма отступает. Всегда.

Он также и на Гарри действует, знаете. Когда я смотрю на них вместе, всегда вспоминаю себя и... Тяжело произносить его имя. Да. Нас с Фредди. Мы родились вместе и всегда были, как единое целое. А эти двое, как два блуждающих огонька — нашли, узнали друг друга и слиплись намертво, как две карамельки на солнце. Такие же половинки. Иногда даже чувствую ревность, но это так... Минутный постыдный эгоизм. Сердца у Ронни на всех хватает с избытком. А что касается Гарри — я лучше второе ухо себе отрежу, и язык заодно, чем отниму у него хотя бы крупицу радости. Он хоть и не рыжий, но все равно мой брат. И я люблю его так же, как Билла, Чарли или Перси. Почти так же, как Рона.

А Фредди...

Я по-прежнему его тень. А он по-прежнему моя душа. Если бы не знал, что однажды встретимся, вообще не стал бы продолжать всю эту бессмысленную тягомотину. Но — знаю. Иногда шепчусь с ним по привычке (когда Рон не видит). Уверен, что он меня слышит. Однажды, помню, сидел на складе и шепотом жаловался ему на что-то. И тут же со стола упала коробка хлопушек. Ох и громкий был ответ на мое нытье... После того случая появилась целая линейка новых товаров. Спасибо, отличную идею подкинул.

Вы, конечно, можете считать, что я просто свихнулся. Дело ваше. Я точно знаю: он рядом. Всегда. Иначе я бы давно лежал в той же могиле, рядом с ним. Я чувствую, что он рядом. Просто теперь по-другому. Как чувствую? Да очень просто. Мы же одно целое. И потом, если представить, что меня бы тогда убили, а он бы остался... Я бы ни шагу от него не сделал! Не придумали еще во вселенной таких клещей, которыми можно было бы оторвать меня от него. Так что он точно где-то рядом. Жаль, что нельзя ни увидеть, ни поговорить. Хоть на одно мгновение...

Придется потерпеть. Доковылять до финиша своим ходом. Время пройдет, однажды я приползу к нему ветхим стариканом. А он будет таким же, как я. Как и всегда. «Ух, какой ты дряхлый, — усмехнется он в седую бороду. А я отвечу, что все равно выгляжу лучше, чем он.

И мы снова будем вместе. Дред и Фордж.

Что вам еще сказать... Нас нельзя разделить, понимаете? Нельзя. Только поэтому я жив.

Глава 5. Гермиона

При воспоминаниях о той ночи на меня всегда наваливается чудовищная усталость. Никогда больше я не чувствовала такого перенапряжения, такого страха, такой ярости и боли, как тогда. Еще когда мы летели из «Гринготтс» на драконе, мы уже были вымотаны и мечтали только о том, чтобы упасть и заснуть. Но, увы, спать в ту ночь не пришлось никому...

Глаза Рона в момент смерти Фреда.

Глаза Гарри, когда он слушал обвинения и ультиматум Темного лорда.

Безумное лицо Беллатрисы.

Вот что навсегда врезалось в мою память.

Было много кошмарного, непереносимого, но Рон, рыдающий, задыхающийся от горя и гнева, Гарри, совершенно опустошенный, без кровинки в лице... Я ощущаю боль, едва вспоминая об этом. А еще вину — за то, что по возвращении в замок выпустила Гарри из виду, что мы тогда оставили его наедине с собственными мыслями. Но я не могла бросить Рона и Джинни, понимаете? Они оплакивали Фреда, мне нужно было поддержать их.

А Гарри воспользовался моментом. И улизнул. О, я точно знаю, что он все для себя решил в ту минуту, когда услышал тот жуткий голос! И едва стоило нам отвлечься, он тут

же исчез, растворился. Оставил нас, чтобы выполнить условия Темного лорда и выкупить наши жизни ценой собственной... Воспоминания Снейпа стали лишь последней деталью в мозаике, ответом на многие вопросы. Финальной точкой. Но, что бы там ни думали остальные, эти откровения никак не повлияли на его решение — оно было принято намного раньше. Едва мы вошли в замок.

Я почти сразу это осознала, но все-таки потребовалось четверть часа, чтобы Рон немного пришел в себя и снова обрел способность мыслить. Те самые потерянные минуты, в сущности, и решили исход дела... Да, потом мы искали Гарри. Но, когда мы примчались к кабинету Дамблдора, его уже не было. Мы бестолково метались по замку, расспрашивая каждого встречного, и с каждой минутой уходила надежда на то, что мы его обнаружим. В конце концов у входа в Большой зал Рон налетел на Невилла, который и рассказал нам о своей встрече с Гарри. И самые страшные предположения подтвердились...

Он ушел, не сказав ни слова, тем самым избавив нас от мук выбора. самого кошмарного и непереносимого выбора, который только обрушиться на человека. Пожертвовать другом ради спасения остальных. Спасти друга и подвергнуть остальных смертельной опасности... Задача без правильного ответа. И он решил ее сам, отлично понимая, что ни Рон, ни я не позволили бы ему сделать ни шагу. Либо пошли вместе с ним. И Гарри, разумеется, не мог этого допустить.

Во всем этом я, конечно же, разобралась потом, когда все закончилось. Но в то мгновение, когда Невилл рассказал нам о своей встрече с Гарри... Мысль о том, что я никогда больше его не увижу, взорвалась внутри как бомба. Помню, что Рона всего трясло, как в лихорадке. А Невилл смотрел на нас и еще долго не понимал, почему я кричу и плачу. Будто наотрез отказывался принимать страшную реальность. Он не мог выговорить ни слова...

В ту ночь я поняла, что бывают вещи гораздо страшнее смерти. Потери, которые невозможно принять и пережить. Боль, которая разрушает, ломает, уничтожает тебя изнутри. Когда Хагрид принес Гарри... Знаете, был миг, когда всех захлестнуло отчаянье. Бездна. Это было хуже, чем поцелуй дементора... Но всего лишь миг. Потом Волдеморт принялся глумиться над Гарри, Рон едва не воспламенился от ярости, слушая его мерзкую ложь. И потом, конечно, наш Невилл и его невиданная отвага...

Когда все побежали и снова завязалась драка, я нашла Джинни. Мне нужно было увидеть ее, хоть на мгновение. Если честно, я очень боялась за нее. Опасалась, что известие о смерти Гарри совершенно ее сломит. Но Джинни меня удивила — она, кажется, даже не плакала. Не позволила себе даже согнуться. В ней горела та же ярость, которой пылал Рон. Вокруг них двоих, кажется, даже воздух был наэлектризован.

А потом — вы знаете. Беллатрису, с которой мы сража-

лись втроем, в итоге уничтожила миссис Уизли. Вот где горе и любовь действительно превратились в неудержимый огонь. Ни сила, ни безумие, ни блестящее владение темными искусстваами не могли противостоять тому пламени, которым горела Молли Уизли в ту минуту. Она стояла у тела своего погибшего сына, она только что видела мертвого Гарри и на ее глазах едва не погибла ее любимая дочь... Без шансов. Такие испытания либо непоправимо ломают, либо придают такую силу, против которой никому не устоять. Думаю, она могла бы и Волдеморта разделать, если бы Гарри не вмешался.

Когда я его увидела... Я не могла это понять. В первое мгновение даже мелькнула дурная мысль, что Гарри решил стать призраком. Но это было так на него не похоже! Он бы не испугался сделать шаг вперед, никогда бы не испугался. И не стал бы терзать ни себя, ни нас бесплодными сожалениями. Не променял бы реальность на иллюзии... Нет, он был живой. Настоящий. Но все равно это был словно другой человек. Какой-то новый, знаете. Было впечатление, что Гарри даже стал выше на несколько дюймов. Я видела его в самых разных передрыгах, но он никогда не был таким, как тогда... Трудно объяснить. Сила невероятная. Я наверное даже не вздохнула ни разу, пока они кружили, глядя друг на друга, когда Гарри так спокойно, безо всякой злости или нервозности, объяснял Волдеморту весь расклад. Он говорил так, будто уже победил. Он полностью контролировал это пространство, эту схватку, эту силу, которая скручивалась во-

круг них гигантскими кольцами и вжимала нас в стены. Каждый, кто видел и слышал Гарри в ту минуту, понимал, что Гарри победил. Все, кроме Волдеморта — тот еще трепыхался, пытался глумиться, задеть побольнее. Но Гарри был для него абсолютно недосягаем, скрыт, будто под непроницаемым колпаком. А сам Волдеморт был максимально раскрыт, и каждое слово Гарри било в цель, поражало его, как пуля. Взрыв заклятия был лишь последним аккордом — все решилось гораздо раньше, в Запретном лесу.

Гарри рвали на части все утро и, когда он, наконец, вырвался из безжалостных объятий восторженных почитателей и нашел нас с Роном, на него невозможно было взглянуть без слез. Серый, с опухшими глазами, абсолютно выжатый. Из него будто вся энергия вышла, как воздух из воздушного шарика. Неизвестно откуда он вообще брал силы, чтобы переставлять ноги. Если честно, нам не хотелось мучить его расспросами, это было его решение. Гарри считал, что обязан немедленно рассказать нам с Роном всю правду. Расставить все точки над «i». Я слушала его, смотрела на его бледное лицо и это было, словно чудо. Помню, что время от времени он умолкал, морщился и потирал ладонью грудь — место, куда попало убивающее заклятие. А мне было больно смотреть на него. Рон в конце концов тоже не выдержал, обнял. А у Гарри даже не было сил отреагировать...

Тяжелее всего было на следующий день, во время похорон. Мне пришлось рычать на каждого, кто пытался к нему

приблизиться (к счастью, таких было не слишком много). Гарри был похож на привидение и за те сутки едва ли произнес больше пяти слов. Я, если честно, боялась за него. Боялась, что он не выдержит. Он был на грани... Поэтому я увела чуть раньше, подальше от людей, от жутких звуков земли, падающей на крышку гроба. Гарри послушно шел и молчал. Он вообще как-то закрылся от всех, потух и умолк.

Тогда я упустила его второй раз — понадеялась, что Уизли заберут его к себе и присмотрят. Мне нужно было вернуться домой, купить билеты в Австралию и найти родителей. И самое сложное — восстановить им память и объяснить. Признаться. Я не предполагала, что Гарри снова ускользнет от всех, что вместо «Норы» он выберет дом Блэков. Потом Джинни рассказала, в каком виде его обнаружила спустя несколько дней. До сих пор мороз по коже, как подумаю, каких глупостей он мог бы натворить, если бы провел там в одиночестве еще несколько дней... Нет, я никого не виню, кроме себя самой. Рон спасал Джорджа, Джинни несколько дней не отходила от убитой горем матери. И они не могли иначе. Я до сих пор корю себя за то, что оставила его тогда. Хотя Гарри, как всегда, только рукой машет...

Я вернулась из Австралии в начале июля, когда он уже более-менее походил на человека. Рон расшевелил и выходил их обоих, и Джорджа, и Гарри. Ох, как я им горжусь, если бы вы знали. Именно тогда проявилась его подлинная сила, настоящая красота его души — когда все вокруг разваливалось

на части, когда семья задыхалась от горя. Мой Ронни оказался незыблемой скалой. Опорой. Спасением, якорем для всей своей семьи. Они выстояли только благодаря ему и Джинни. Двое младших вытащили всех остальных...

Пожалуй, только я знаю, какой ценой ему все это далось. Когда я вернулась, все уже немного наладилось — Джордж каждый день спускался к обеду и даже ходил в магазин почти ежедневно, Гарри уже разговаривал и даже немного походил на себя. Но мне одного взгляда хватило, чтобы понять, через что пришлось пройти Рону...

Именно тогда мы с ним по-настоящему сблизились. Когда он доверил мне свою боль, свой страх и чудовищную усталость. Когда позволил мне разделить их с ним. Он обнимал меня, зарывался лицом в мои волосы и молчал — именно так он чаще всего прятал слезы. Дурачок, он думал, что я не замечаю... А потом клал голову мне на колени и закрывал глаза. И я долго-долго перебирала его апельсиновую шевелюру... Знаете, было удивительно наблюдать, как он мгновенно переключался. Однажды поздно вечером мы были вдвоем — все остальные уже спали. Рон и сам уже задремал, лежа у меня на коленях, пока я гладила его по голове. И тут мы услышали вскрик Гарри — он очень плохо спал, его постоянно мучили кошмары. Куда делся мой доверчивый сонный рыжий котенок? Уже через секунду Рон был похож на стрелу, выпущенную из лука, и был готов отражать атаку целой стаи дементоров. Он буквально взлетел по лестнице и через

несколько секунд уже сидел рядом с Гарри... Каюсь, до того времени я и помыслить не могла, что у него такое золотое сердце. Что грубиян и лентяй Рональд Уизли способен на такое терпение, на такую заботу, на такую горячую любовь. День за днем, ночь за ночью, не проявляя ни досады, ни раздражения, не позволяя себе даже малейшей слабости... В те дни я узнала и полюбила его заново.

Днем я учила его варить сонные отвары, а потом мы то и дело сбегали с ним в сад и, найдя укромный уголок, мгновенно забывали обо всем на свете. Рон целовал меня с такой нежностью, что я до сих пор помню каждую минуту, проведенную с ним под теми деревьями. Он был немного потерянный. Он безмолвно молил хотя бы о капле тепла. О минутной передышке. Бедный мой... Он так неистово нуждался в любви и поддержке, что я без колебаний отдавала ему все, что могла. Нет, это было не то, о чем вы подумали. Ни единого лишнего жеста, ни одного пошлого намека. Он относился ко мне, как к принцессе. Признаюсь, в глубине души мне даже хотелось чего-то большего, но Рон был очень осторожен... Вообще после того печального инцидента в лесу, с тех пор, как он вернулся, Рон всегда уважал меня. Все наши подростковые проблемы остались в прошлом...

К концу лета мы обручились. Я лишь попросила не торопить меня и дать мне возможность спокойно закончить Хогвартс. Рон был готов принять любые мои условия, без возражений и споров — ему достаточно было только моего обе-

щания. И когда он, сияя, как начищенная пуговица, надел кольцо мне на палец, скрепляя наш уговор, я уже была абсолютно уверена, что он будет самым прекрасным мужем. И не ошиблась. Даже сейчас, спустя много лет, мы до сих пор учимся друг у друга. Наша совместная жизнь оказалась весьма увлекательным приключением, полным неожиданностей. Как и у всех, у нас бывают и трудности, и радости, и взлеты, и падения. Но Рон — самый замечательный муж и самый нежный отец на свете. Он сглаживает острые углы моего непростого характера, а я не даю ему лениться и превращать наш дом в логово хаоса. Впрочем, когда они с Роуз и Хьюго объединяют усилия, приходится принимать жесткие меры... Но такова наша жизнь. Много веселья и творчества, немного беспорядка. И всегда много тепла и любви.

Я очень люблю своего мужа. А он — меня.

Нам очень хорошо вместе, я не могу представить рядом никого другого.

Это то, за что мы сражались. Единственное, ради чего стоит жить.

Глава 6. Молли

Я редко возвращаюсь к этим воспоминаниям — обычно они сами приходят ко мне помимо моей воли. В вечерней тишине опустевшего дома из каждого уголка выходят тени прошлого и обступают со всех сторон. И темные тихие комнаты наполняются голосами тех, кого давно нет на свете. Поэтому я не люблю вечера.

Мне немало довелось пережить. Я схоронила родителей, оплакала двух братьев и множество друзей, сгинувших в огне войны. Пережила смерть сына. Иногда оглядываясь назад, я удивляюсь тому, что после всего этого все еще сохраняю способность мыслить и радоваться. Но, видимо, нас, Пруэттов, не так-то просто сломать.

Едва мы переступили порог Хогвартса в ту ночь, я уже знала, что домой вернутся не все. Этот ужас, эту агонию сердца может понять только тот, кто так же, как я, смотрел на своих детей, гадая, кто из них доживет до утра... Мы все понимали, на что идем, и не было ни сомнений, ни колебаний, ведь решалась судьба всего нашего мира...

Это была самая страшная ночь в моей жизни, когда рушились стены и жизни, когда навсегда разбилось множество сердец. В том числе и мое. Мой мальчик, мой золотой, прекрасный мальчик навсегда ушел в чернильную темноту той страшной ночи. Ушел, улыбаясь... Я пытаюсь успокоить се-

бя тем, что он не мучился, что он все-таки успел примириться с Перси. Слабенькое утешение, если честно. Не очень помогает. Двадцать лет — это не возраст для смерти. И никакая мать не должна хоронить своих детей...

Я часто спрашиваю небеса — почему именно Фредди? Почему не я? О, с какой радостью я бы поменялась с ним местами! Но на некоторые вопросы нет ответов. Когда-то я так же выкрикивала в темноту имена своих братьев, Гидео-на и Фабиана. Они тоже погибли, сражаясь. Тоже были совсем молодыми и оставили семью в безутешном горе. Наши родители так и не оправались... Уже в юности я видела, как непоправимо ломаются и гаснут те, кто похоронил своих детей. Это всегда было главным моим страхом. Где-то в глубине души я всегда знала, что это случится, что мы не выйдем из этой войны без потерь. Но не могла даже подумать о том, что это будет именно Фредди...

Мой мальчик будто спал и улыбался во сне. Бледный, безмятежный, такой светлый... А Джордж, черный от горя, молча сидел у изголовья. Я никак, ничем не могла ему помочь. Разве можно утешить того, кого вот так разорвали на части? Едва ли кто-то может понять, через что ему пришлось пройти...

Увидеть Гарри мертвым было почти так же больно, как потерять Фредди. Он же давным-давно мне родной! Такой славный мальчик, столько выстрадавший, такой одинокий... Когда мы только познакомились, он был похож на птенца,

который выпал из гнезда. Как мне хотелось защитить его, хотя бы немного согреть! С ним было непросто — Гарри не подпускал к себе слишком близко. Никогда мне не грубил, нет. Но... Трудно объяснить. Я привыкла обнимать своих мальчишек, трепать их за волосы, шутя толкать в бока. Гарри очень долго избегал физического контакта, хотя и отчаянно в этом нуждался. Бедный ребенок... У меня просто сердце разрывалось. Такой добрый, отзывчивый! Как можно быть такими бессердечными извергами, чтобы ни разу в жизни даже не обнять, не приласкать такого славного мальчика, унижать, держать впроголодь, взаперти... Никогда не смогу понять такую жестокость. Гарри привык сторониться, прятаться, избегать контакта. Однако, все изменилось после Турнира трех волшебников — Гарри наконец перестал сжиматься от моих прикосновений, оттаял, стал доверять. А для меня он почти сразу стал еще одним сыном. Они с Роном были как Джордж с Фредом — в «Норе» просто появилась еще одна неугомонная парочка...

Фредди не стало... Страшная ночь. Люпин и Тонкс, ушедшие вместе, оставив Тедди сиротой. Столько погибших... И Гарри на руках у Хагрида. Казалось, что все наши усилия и жертвы напрасны, что зло победило, что тьма пришла навсегда. Но черное горе вдруг вспыхнуло, как угли, политые маслом. В один миг все снова запылало, и это пламя уже невозможно было остановить. В то мгновение мне хотелось только одного — выжечь эту грязь из всех уголков Хогвартса, рас-

тереть в порошок и развеять по ветру. Чтобы больше ни одной матери не пришлось плакать над телом своего ребенка. Чтобы больше ни один малыш не остался сиротой. И когда Белла едва не убила Джинни... В общем, вы знаете. Матери, охваченной яростью, горем и страхом за свою дочь, даже самая могущественная черная магия покажется ерундой. Передо мной была просто ядовитая плесень, которую нужно было вычистить, стереть с лица земли. И я это сделала. И немедленно повторила бы это снова, если бы потребовалось. Если бы не появился Гарри, я бы и Реддлу показала, где раки зимуют. Мерзкое ничтожество, отнявшее у меня двух братьев и сына, превратившее в ад жизнь стольких людей...

Ох, Гарри. Мой хороший. В нем тогда сконцентрировалась вся наша надежда. И он ни на мгновение не уклонился от страшного груза, прошел весь свой путь до конца. Без жалоб, без колебаний. Увидев его вновь, мы не могли поверить своим глазам. Он был такой... Как ангел возмездия. Неумолимый, спокойный, наполненный жизнью и силой. Он будто впитал страх, горе и ярость всех, кто защищал Хогвартс и оплакивал павших. Он вернулся, собрал, намотал на кулак всю нашу боль и любовь. И ударил. За себя, за всех. Неудивительно, что все могущество Темного лорда тут же лопнуло, будто мыльный пузырь. Уверена, что дело было не только в Бужинной палочке. Это всё Гарри. Его отвага. Его решимость. Его жертва. Его великое сердце. Я знаю своего мальчика — он и сейчас, не колеблясь, бросится в самый ад, ес-

ли так можно спасти других. Меня это страшит и восхищает одновременно. Он никогда не думает о себе. Теперь мы думаем о нем. Хотя приучить его к мысли, что он не один, было нелегко. Особенно в те первые дни.

Утро победы было гораздо хуже, чем ночь битвы. Руины, дым, тела погибших. Огромный груз упал с плеч, но ему на смену пришла чудовищная боль. Никогда не забуду яркое, горячее солнце над Аллеей павших, которое не потухло, несмотря на наше страшное горе. Мир сиял и цвел, зеленели поля и пели птицы, а мы хоронили своих детей... Из нашего дома ушел смех. В нем стало слишком тихо. Мой бедный Джорджи, почерневший, умолкший, замкнувшийся в себе. Безутешный Перси, едва не сломавшийся от горя и вины. Чарли... Он единственный, кто так и не увиделся с Фредди, не застал его живым. Никогда не забуду, как он плакал на похоронах на плече у Билла.

Это был самый черный период в нашей жизни. Мы с Артуром старались держаться друг за друга. В первый же день, вернувшись домой, мы с ним решили, что не имеем права сдаваться, что наш мальчик не хотел бы, чтобы горе разрушило нашу семью. И ради него мы будем держаться и бороться за каждого. Но у нас едва ли хватило бы сил, если бы не Рон и Джинни. За старших я была спокойна — Билл и Чарли всегда поддерживали друг дружку. Они сильны духом и всегда были близки. Артуру пришлось много времени провести с Перси, а мне потребовалось время, чтобы са-

мой научиться дышать заново. Я видела Фредди в каждом уголке «Норы». Занавески, который он как-то поджёг. Ступеньки, по которым они с Джорджем носились туда-сюда, с грохотом и воплями. Кухонный стол, впитавший их бесконечные шутки и шалости. Его вещи. Даже его зубная щетка, забытая на полке в ванной... Он был везде. Каждая мелочь причиняла боль. Я хватала руками пустоту и задыхалась от того, что нигде не могу найти моего мальчика. Иногда было так больно, что хотелось просто упасть и завывать. Чтобы крыша обрушилась и похоронила меня вместе с ним. Но у меня не было на это права: нужно было помочь Артуру и детям. Вытащить Джорджа. Поэтому днем я держалась, как могла. И плакала ночами, заперевшись в спальне. И Артур снова и снова утешал меня... А днем рядом была Джинни. Моя ласковая, золотая девочка, она обнимала меня каждые пять минут, не позволяла расклеиться, отвлекала. Именно она, например, затеяла генеральную уборку, и мы с ней три дня мыли, чистили, скоблили весь дом. Стирали, сушили и гладили белье, шторы, одежду. Только руками, без единого заклинания. Уставали так, что я засыпала, едва положив голову на подушку. Мы не давали себе расслабиться ни одной минуты, ни одного шанса, ведь в доме и без того царило необъятное, безутешное горе. Мой бедный Джорджи был совершенно сломлен, его комната была единственным местом, где нам с Джинни не удалось даже вытереть пыль. Он никого туда не пускал. Это всегда был их мир. И он мог находиться только

там. Только там, где был Фред... Я ничего не могла поделать — он словно воздвиг непроницаемую стену между собой и миром живых. Никому из нас не удавалось достучаться до него. Я сходила с ума, наблюдая, как он ускользает, меня душил страх, что я могу потерять и Джорджа вслед за Фредди. Но ничего не могла изменить.

Только у Ронни получилось. И я не могу описать, как горжусь им. Если бы не он... Ему ведь всегда было непросто — братьям доставалось больше внимания, больше обновок, а Джинни как самая младшая вообще всегда занимала особое место в нашей мужской команде. Рон оказался посередине. Билл и Чарли для него были слишком взрослыми, Перси слишком занудным, Джорджу и Фредди вообще никто не был нужен, у них всегда был свой собственный мир... Если честно, я немного тревожилась за Ронни, пока он рос. Ему нужно было найти свое место, свою дорогу в жизни. И он нашел — в тот сентябрьский день, когда встретил Гарри в «Хогвартс-экспрессе». И когда на семью обрушилось это страшное горе, именно Рон оказался тем человеком, который удержал на своих плечах весь наш дом. Он не позволил Джорджу уйти вслед за Фредди, сгинуть во мраке безумия и одиночества... Он почти не спал в те дни. Изредка выходил, чтобы взять еды или умыться и снова запирался с братом наверху. И когда наконец Джордж спустился к ужину — это была настоящая победа. Не хуже, чем в битве за Хогвартс. Ведь Рон отвоевал у смерти своего брата. Вернул мне моего мальчика.

Вернул мне жизнь. Никакими словами невозможно описать, как я люблю его, как восхищаюсь его силой духа.

А потом к нам вернулся Гарри, похожий на безмолвную тень. Он был настолько опустошен, что на какое-либо сопротивление у него просто не было сил. Поэтому он позволил мне позаботиться о нем. Он отчаянно нуждался в любви, как и я. Словно Фредди шепнул мне: «Мам, я в порядке. А ты так нужна Гарри, пригляди за ним...» Я каждый вечер сидела с ним, пока он засыпал, готовила самые вкусные, самые любимые его блюда. Обнимала так часто, как только могла. И это сработало. Однажды вечером, когда я принесла Гарри сонный отвар, он сел рядом со мной и просто ткнулся лбом в плечо. У меня едва сердце не выпрыгнуло. Солнышко мое, он был такой потерянный, такой подавленный. Насколько ему было плохо, что последние рубежи защиты рухнули и он потянулся ко мне со всей доверчивостью раненной души... Не знаю, как мне тогда хватило сил сдержать слезы. Именно в ту минуту Гарри по-настоящему принял меня. Принял мою любовь. И для нас обоих это было, словно вспышка надежды. Я была ему нужна. А Гарри был нужен мне.

Когда я рассказала об этом Артуру, он вздохнул и поцеловал меня. А через некоторое время предложил сделать Гарри тот самый подарок на день рождения. Стрелка с именем Фреда выпала сама, видимо, в момент смерти, мы нашли ее на полу, когда вернулись домой после похорон... Артур не

мог бы придумать ничего лучше, чем вставить в часы новую стрелку. С именем Гарри. Еще один сын, нуждавшийся в моей любви и заботе. Сын, давно ставший частью моего сердца. Дети — моя важнейшая причина, чтобы жить по-настоящему.

Когда Гарри сделал предложение Джинни, стрелка в часах стояла уже больше года. Он уже давно был частью нашей семьи. Хотя его долгое время пришлось многому учить, шаг за шагом менять его представления о нормальных семейных отношениях. О безопасности. О любви. Помню, был эпизод, когда он случайно что-то испортил. Так, что не починить. Конечно же, он этого не хотел! Бедняга Гарри весь сжался в комок и едва ли в угол не забился. Боже, что же делали с ним эти проклятые Дурсли... Инстинктивно он постоянно ожидал подвоха. Боялся совершить ошибку. Боялся наказания. Насмешек. Ох, как было тяжело это переломить! Но мы справились. Сейчас Гарри знает, что здесь — его дом, его семья. И его всегда примут с любовью, что бы ни произошло. Мы выдержали и эту битву. И победили.

Было очень тяжело, но мы устояли. Понемногу научились жить со всеми своими ранами и шрамами, начали строить новую жизнь в новом мире, где больше нет нашего любимого Фредди, но по-прежнему живы все остальные. Мой бесценный Артур, душа моя и дыхание. Гарри и Рон, наши знаменитые обожаемые герои. Невероятно мужественный Джордж. Умница Перси. Мудрый Билл и добродушный, теплый Чар-

ли. Конечно же, наша искорка Джинни. Все их дети, мои обожаемые многочисленные внуки, которые никогда не дают тосковать и скучать. Конечно же, любимый всеми Тедди Люпин, который неизменно предводительствует в маленькой армии младших Уизли... Шрамы по-прежнему болят, но я не позволяю боли управлять собой. Несмотря на горечь утрат, жизнь побеждает.

А значит, все жертвы, все страдания и усилия не были напрасными. Они сражались за то, чтобы мир был немного добрее и счастливее. И мы изо всех сил стараемся сделать его именно таким.

Глава 7. Невилл

Признаться откровенно, я был абсолютно уверен, что рассвет я не увижу. И эта мысль не очень пугала — я думал только о бабушке. О том, как тяжело ей придется, после случившегося с папой и мамой. Если еще и я... Ужасно. Конечно, если ей самой суждено остаться в живых в этом аду. Я думал о бабушке. Сама смерть в бою казалось не очень страшной — если честно, то лучше такая смерть, чем такая жизнь... Вечное господство каких-нибудь безмозглых Кэрроу, бесконечный цинизм и жестокость, подлость, страх и ненависть. Нет никакого смысла цепляться за такое кошмарное существование. Поэтому мы с ребятами прятались в выручай-комнате и просто ждали. Ждали своего шанса, когда среди беспроекторной черноты появится малейший лучик надежды на избавление. И он появился.

Сидя взаперти, я привык разговаривать с портретом Арианы. Она очень добрая, отзывчивая. Когда я загибался от голода, она вдруг позвала меня и открыла мне тот подземный ход. И позже всегда подбадривала меня в тяжелые минуты. В тот вечер она принесла весточку от Аберфорта, и у меня даже сердце ёкнуло: я, еще ничего не подозревая, уже ощущал, что происходит нечто важное. И увидев Гарри, понял, что не ошибся. Наконец-то! Вот он, наш шанс. То, чего мы так долго ждали! Гарри Поттер возвращается в Хогвартс! А это

значит, что с этого момента наша жизнь изменится навсегда. Ведь наш Избранный не просто так пропадал где-то почти целый год. И не просто так, рискуя головой, вновь пришел в замок... Мы все знали и про комендантский час с воющими чарами над Хогсмидом, и про то, что за поимку Гарри объявлено фантастическое вознаграждение.

Гарри вернулся. Если бы вы знали, как я был рад увидеть его! И Рона с Гермионой, конечно! Столько ужасных слухов ходило, столько пересудов. Что Гарри давным-давно поймали и убили втайне от всех. И наоборот, что он плюнул на всю эту возню и, спасаясь от Волдеморта, покинул страну вместе с Гермионой, пока Рон умирает от неизлечимой болезни. Впрочем, в последнее никто из наших не верил. А я сразу напрямик спросил обо всем у Джинни, и она не стала мне лгать. Трое наших действительно были вместе, Скрывались и, каждый день подвергаясь смертельной опасности, занимались каким-то важнейшим делом, которое Дамблдор поручил Гарри. Никто не знал, где они и что за задание они выполняли. Об этом Джинни знала не больше моего.

Вообще знаете, я ею просто восхищаюсь. Какая сила духа! Джинни было тогда всего шестнадцать, она была глубоко, по-настоящему влюблена. А ее обожаемый Гарри пропал неизвестно где, ему каждую минуту грозила гибель. Но — какая выдержка! Джинни ни разу не дала повода ее пожалеть. Никто не видел ни ее слез, ни уныния! Ни минуты слабости! Мы даже возродили «Отряд Дамблдора», пытались

хоть как-то противостоять той мерзости и жестокости, которая заполонила школу. Толку, правда, было мало — что могут пара щенков против отпетых убийц и садистов... Много всякого пришлось перенести и повидать. Как вспомню, как пытали беднягу Корнера. Кэрроу едва его не убили... Джинни тоже несколько раз наказывали самым унижительным образом — Алект Кэрроу заставляла ее весь день носить на шее табличку с оскорбительной надписью. Думала, что публичные унижения сломят ее дух. Но Джинни носила эту табличку, словно королевскую корону! Не произнося ни слова, не проронив ни слезинки, гордо подняв голову. В такие дни Гриффиндор приветствовал ее стоя, едва она входила в класс или в Большой зал. Как же это бесило тех сволочей, если бы вы знали! Скрип их зубов был слышен даже в Хогсмиде.

А Макгонагалл постоянно нам помогала. Ей не раз приходилось вызволять нас из передряг. Когда в наказание нас лишали пищи, тайком посылала к нам домовиков с пирогами прямо в гостиную Гриффиндора. Несколько раз сама тайком выдавала нам кровопролитные конфеты Уизли и тому подобные их изобретения, чтобы отправить «заболевших» к мадам Помфри на несколько дней и тем обезопасить от тошнотворного присутствия и постоянных издевательств Кэрроу. Кстати, Флитвик и Стебль делали то же самое. Не знаю, чем бы все кончилось, если бы не их безмолвная поддержка и помощь...

К сожалению, и они были не всесильны. Было несколько

тяжелых случаев, как та история с Майклом Корнером, когда его мучили на глазах у всех. Майкл пролежал в лазарете дней десять, не меньше. Джинни каждый день его навещала. Некоторые даже злословили — мол, пока Гарри скитается неизвестно где, девчонка снова начала крутить с бывшим парнем. Но все это чушь, конечно. Просто ей важно было удостовериться, что Майкл не сломался после пыток. Что он действительно поправляется. Позже, в выручай-комнате, мы с ним как-то разговорились о Джинни. «День за днем она живет с мыслью, что однажды утром прочитает в «Ежедневном пророке» известие о поимке Гарри, но все равно держится, — сказал Майкл тогда. — Значит, и мы должны делать так же...»

Корнер был прав. Сдаться, смириться, сломаться было невозможно — у нас перед глазами всегда был Гарри. Он был главной нашей надеждой, единственным лучом света в кромешном мраке. Я ни секунды не верил в то, что он может сбежать за границу и бросить нас. Эту мерзкую чушь распространяли специально, чтобы мы перестали верить. Чтобы побыстрее сдались и покорились. Но я слишком хорошо знаю Гарри, чтобы сомневаться в нем.

И он вернулся. Помню его бледное лицо и горящие глаза в тот момент, когда распахнулся портрет в доме Аберфорта. Он был такой... Как летящая стрела. Как натянутая струна. Даже увидев Джинни, он не позволил себе отвлечься от цели, ни на мгновение. Полная концентрация. Перед ним был

только его путь, его долг. Те месяцы, когда он пропадал неизвестно где, оставили следы на его лице. Бледный, уставший, он сильно похудел за то время, пока я его не видел. Но пламя, которое всегда в нем горело, вдохновляя других, в ту ночь пылало особенно ярко. Гарри будто весь целиком превратился в огонь...

Мы были, как сухой хворост, которому нужна была лишь одна искра. Он и был этой искрой. Мы, ничего не зная, просто следовали за ним, понимая, что в эти минуты решается всё. Наша судьба и судьба всего нашего мира, его будущее. У нас был крайне простой выбор: покориться Волдеморту и остаток дней провести, прислуживая этой гадине, с каждым днем все глубже растворяясь в мерзостях, становясь такой же склизкой плесенью, как он и его дружки. Или сопротивляться, принять бой, сражаться за добро и свободу, за свою веру в справедливость и любовь, за правду и радость. И, если суждено умереть, то в бою. Умереть, но сохранить свое сердце, свое право дышать чистым воздухом, а не трупным смрадом. Мы все сделали свой выбор. Гарри летел к цели, не оглядываясь, не позволяя себя расслабиться даже на мгновение. И мы последовали за ним. Поначалу он ведь не хотел впутывать нас, хотел и дальше тащить все в одиночку. Но разве за мою свободу и судьбу должен биться Гарри? Разве можно просто сидеть в сторонке и наблюдать, как он отдувается за нас всех? Разве не я сам отвечаю за свое будущее? Я уверен, так думали все. И он это понял. Принял нашу под-

держку, нашу веру в него. Нашу решимость стоять до конца. Вот тогда-то все всерьез и закрутилось ...

Горшки с мандрагорами, дьявольские силки, цапень — все пошло в ход. Я метал то растения, то заклятия. Вокруг творилось полное безумие, а в голове крутились какие-то глупости: насколько нелепо я выгляжу в своих защитных мохнатых наушниках... Клоун. Вокруг люди умирают, а меня то и дело разбирает смех. Сумасшествие какое-то. Наверное, от напряжения. Но как бы там ни было, мы все же здорово потрепали этих сволочей. Жаль, конечно, было уничтожать урожай, который мы так старательно растили в теплицах всю зиму, но растения вырастут снова. Но никто не вернет нам нашу свободу и право дышать. Никто, кроме нас самих.

Это была страшная ночь. В какие-то минуты мне казалось, что она никогда не закончится. Что я попал в закольцованный кошмар и буду вечно кружить между дымящихся руин и безжизненных тел, слушая крики и взрывы. Когда наступило затишье, мы с Вудом искали тела павших. Собирали одного за другим, как зёрнышки, которые нужно предать земле... Каждый раз, поднимая погибшего, я спрашивал себя: почему же я до сих пор жив? Почему Фред, Колин, Люпин и остальные лежат в Большом зале, а я до сих пор дышу? И даже спустя много лет я так и не нашел ответ на этот вопрос...

Так вышло, что среди всего этого кромешного ужаса я

случайно наткнулся на Гарри. Я был последним, кто его видел. Не представляю, почему я ничего не заподозрил в ту минуту, почему позволил ему уйти. Ведь я видел его лицо, видел, насколько ему было тяжело и больно! Можно было догадаться, что не просто так он вдруг просит меня убить змею, что это не просто просьба, а последнее поручение, что он точно знает, что не вернется. Но... Знаете, я ведь всегда верил Гарри. До конца. Всецело. И когда он солгал, что «так нужно по плану», что ему нужно просто кое-что сделать, я просто поверил, как и всегда. И только когда спустя четверть часа на меня налетели Рон и Гермиона, и я всем им рассказал, на меня вдруг обрушилась страшная правда. Обезумевшую Гермиону мы тогда держали вдвоем, у меня на руках до сих пор остались следы от ее ногтей. Навсегда осталась памятка... Она кричала, рвалась в лес, Рона трясло, он тоже плакал, но старался держаться. А во мне будто бомба взорвалась. Гарри ушел, чтобы выполнить ультиматум. Чтобы умереть за нас всех. И я больше никогда его не увижу... Я будто окаменел. Слушал рыдания Гермионы, держал ее за руки, и ничего не видел, не понимал. А потом вспомнил его лицо, когда он уходил. И его слова. Он велел мне убить змею. Убить змею... Последнее поручение Гарри, которое я должен исполнить любой ценой. Даже если придется зубами перегрызть глотку этой твари. Я отпустил его на смерть, по глупой наивности, и теперь мне придется жить с этим. Но я не могу подвести Гарри еще раз.

Примерно через час к замку подошла огромная толпа. Но в тот момент мы не видели ничего, кроме того, что было на руках у рыдающего Хагрида. И все вокруг затопила тьма. Казалось, что чудовищное отчаянье погасило последние искры жизни и надежды. Никто не мог издать ни звука. Но Рон рывкнул что-то дерзкое, чары разрушились, и в тот же миг я всё понял. Нельзя позволять им сломить нас. Пусть Гарри погиб, пусть их больше, чем нас — все равно нельзя сдаваться. Это будет означать, что все труды, все жертвы были напрасными. Что Фред, Люпин, Колин, Гарри отдали свои жизни зря!

Волдеморт продолжал глумиться, расхаживая туда-сюда рядом с его телом. А я смотрел на Гарри и не мог, просто физически не мог слушать эту мерзкую ложь о нем. Я провел с ним рядом семь лет и никогда не видел, чтобы Гарри трусил или убегал от опасности. Он был самым храбрым из всех, кого я знал. Самым добрым, благородным и сильным парнем в мире. А эта мерзкая, жалкая гадина с ухмылочкой прилюдно втоптывает его в грязь. Понимая, что мертвый лев не может постоять за себя...

Дальше все было очень быстро — я все-таки не выдержал, бросился вперед. Единственное, чего я хотел — чтобы этот гад заткнулся и никогда больше не смел произносить имя Гарри. Я был так зол, что готов был заткнуть ему рот собственным кулаком. Загнуть по самый локоть... Разумеется, это было ребячеством. Меня опрокинули, обезоружи-

ли и принялись ухмыляться. Ну, хотя бы отвлеклись от издевательств над Гарри. Уже хорошо... Наверное я никогда в жизни не испытывал такую ярость, как в тот миг. И даже когда он меня обездвижил и напялил на голову Распределяющую шляпу, я не почувствовал страх. Только злость. А потом шляпа вспыхнула.

Если действительно быть честным... Это был самый странный момент моей жизни. Я успел подумать, что лучше сгореть, может, это побудит остальных сопротивляться до последнего. Лишь бы побыстрее умереть, лишь бы боль не была слишком долгой... Гарри пошел на смерть за всех нас, значит, и я сумею. Должен суметь... Шляпа на моей голове горела, я не мог ни пошевелиться, ни издать звук. Я слышал многоголосый крик ужаса за своей спиной, но почему-то не чувствовал никакой боли — пламя согревало и лишь немного щекотало щеки и макушку. Меня словно скрыл невидимый стеклянный колпак. Шляпа наполовину закрывала мне лицо, и когда я открыл глаза, произошла еще одна странность: в отсветах пламени я увидел нечто серебряное, с рубиновым блеском, упирающееся мне прямо в переносицу. За долю секунды я понял всё. Шляпа Гриффиндора и его волшебный меч (который мы пытались стащить у Снейпа несколько месяцев назад, я сразу его узнал). Последняя просьба Гарри прозвучала в моей голове так ясно, будто он сам повторил ее прямо мне в ухо. «Убить змею». Я должен был сделать это, черт возьми! Змея была буквально

в двух шагах. И теперь у меня был меч!

Если честно, я просто забыл про обездвиживающее заклятие. Сбросил шляпу с головы, схватил рукоятку меча, сделал шаг к змее и рубанул, вложив в удар всю свою боль и ярость. Голова взлетела в воздух, а я вдруг ощутил себя так, будто из моих пальцев струится огонь... Я кинулся за своей палочкой, лежавшей в нескольких шагах. И едва успел ее подобрать, как кто-то схватил меня за шиворот и потащил внутрь замка. Все орали, откуда-то полетели стрелы, снова началась драка. В общем, вокруг царил полный хаос, поэтому только в вестибюле я понял, что в меня вцепился Рон. Он пылал еще сильнее, чем я. От его физиономии в ту минуту можно было легко зажигать факелы...

Да что там говорить, все чувствовали этот огонь. Неведомую силу, которая наполняла каждого защитника Хогвартса. Пожиратели и прочая нечисть ничего не могли поделать, они падали один за другим. Мы давили их с такой легкостью... И в каждое заклятие, в каждый удар я вкладывал всю ярость и боль, которые кипели в груди. А еще, признаюсь, тайное ликование. Что мне удалось прикончить эту мерзкую тварь. Что безнадежность, которая еще несколько минут назад затопила все вокруг, все же не потушила пламя, которое оставил нам Гарри. Его огонь по-прежнему пылал...

А потом — вы знаете. Гарри появился внезапно. Буквально ниоткуда. Соткался из предрассветного голубого воздуха. Такой спокойный, сильный. Даже, не побоюсь этого слова,

величественный. Это было абсолютно непостижимо, а потому даже немного пугало... Никогда не забуду лицо Рона, когда он увидел Гарри живым. Я думал, что он упадет... Мы смотрели на Гарри как на чудо, слушали, ловили каждое слово, каждый вздох, каждое его движение, силясь понять происходящее. Он и был настоящим чудом... И когда первый луч солнца слился со вспышкой заклятий, затопив весь зал ослепительным блеском, раздался страшный грохот — и через мгновение мы увидели Гарри, склонившегося в расцветном сиянии над мертвым телом Темного лорда. Все было кончено.

Фантастическое облегчение. Чудовищный взрыв эмоций...

Его рвали на части все утро. Гарри молча терпел все порывы восторга, все объятия и возгласы. Хотя достаточно было взглянуть на его лицо, чтобы понять, что даже громкие звуки причиняют ему боль... В конце концов мадам Помфри буквально вырвала его у толпы и увела. Гарри едва на ногах держался, если честно. Она устроила его в своей комнате. Но даже в больничном крыле кто-то постоянно галдел и шнырял туда-сюда, топая ногами. После всего, что он сделал для нас, Гарри заслужил немного тишины и покоя, не так ли? Я до такой степени разозлился, что просто взял меч, сел под его дверью и рявкнул, что если еще кто-нибудь издаст хоть звук и не даст Гарри спокойно отдохнуть, то снова полетят головы... Только после этого все, наконец, заткнулись. Кажется,

мою угрозу восприняли всерьез.

Тяжелее всего было потом, когда Гарри вернулся в Хогвартс дней через пять. Он был будто окаменевший. Работал с утра до вечера и постоянно молчал. И за этим молчанием была скрыта не злость, не обида, не раздражение. Даже не боль, а какая-то страшная, пугающая опустошенность. Гарри был сам на себя не похож. И подпускал к себе только Джинни... Я был готов броситься с башни, если бы только это могло ему помочь, но вынужден был просто наблюдать. И мне было очень больно видеть его таким. Однажды мы вместе работали в теплице и я, набравшись смелости, просто тронул его за плечо и спросил: «Чем я могу тебе помочь, Гарри?» Он вздохнул и покачал головой. «Не бери в голову, дружище, — ответил он. — Я просто устал. Это пройдет. Не обращай внимания...» А потом словно сам себя одернул. Улыбнулся настолько искренне, насколько мог. «Спасибо тебе, Невилл. Знаешь, ты молодчина. Не обижайся, ладно? Мне нужно просто немного времени...» Сколько бесконечной усталости и боли было в его словах. Совершенно душераздирающе.

Потом я не раз видел эту тень на его лице. Мы ведь вместе поступили в аврорат, учились, работали бок о бок. Я снова видел его каждый день и наблюдал всю его внутреннюю борьбу, все его страдания... Мы старались по возможности оберегать его. Помогать, чем можем. Иногда достаточно было принести чашку горячего какао или плед набросить

на плечи — и у него теплел взгляд... Гарри понадобилось несколько лет, чтобы прийти в себя. Снова стать собой. Его долго преследовали тени прошлого, приходили и новые испытания: например, когда Рон уволился из аврората. Ужасный выбор — или работать с Гарри, или заботиться о своем несчастном брате. Они все решили правильно. И хотя для Гарри это было очень тяжело, он понимал, что Джордж больше не выдержит никаких потрясений. Рон больше не имел права рисковать и подвергать его таким непосильным испытаниям. Он должен был остаться с Джорджем...

Спустя два года мне тоже пришлось уволиться после тяжелого ранения. Гарри тогда разве только не ночевал в больнице. Он постоянно был рядом, заботился обо мне так, как не мог бы даже родной брат. Достал из-под земли какое-то редкое лекарство, подбадривал. А когда стало ясно, что я больше не смогу служить в аврорате из-за здоровья, подкинул мне идею вернуться в Хогвартс и стать преподавателем. Именно Гарри помог мне не пасть духом, помог найти свое место в жизни.

Когда я болел, мы здорово сблизились. И с тех пор стали совсем родными. Хотя, признаться честно, я всегда считал его родным. И мне не стыдно признаться, что Гарри — самый главный человек в моей жизни. Именно он сделал меня тем, кто я есть. Он верил в меня тогда, когда я считал себя пустым местом. Он так многому меня научил! Никогда не смеялся надо моими неудачами, не позволял унывать. И

то, что я рос с ним рядом, много лет видел перед собой его пример, я считаю самой огромной удачей. Самой большой привилегией. Для меня большая честь называть его другом. Вы наверное знаете, что Гарри терпеть не может, когда им восхищаются, но каюсь — у меня не всегда получается это скрыть. Он знает, что у меня нет человека дороже...

Я по-прежнему смотрю на него, как на пример. Учусь у него. Тому, как Гарри мужественно и смиренно справляется со своей сокрушительной славой и всеобщим почитанием. Как он безошибочно и глубоко чувствует людей и распознает зло. Как ладит с детьми. Вообще было бы здорово уговорить его стать преподавателем защиты от темных искусств. Ведь у Гарри настоящий педагогический дар, который он демонстрирует, к сожалению, пока лишь пару раз в год, когда приезжает в Хогвартс на традиционные открытые уроки. Возможно, однажды ему надоест ловить и караулить мерзавцев и бодаться с бюрократами, которые ненавидят перемены. Пока он полон решимости изменить мир к лучшему, верит в то, что сможет многого добиться, и вкладывает в работу все свои силы. Но скажу честно: в тот день, когда Гарри Поттер вернется в Хогвартс, я буду абсолютно счастлив.

Глава 8. Артур

Сейчас, пожалуй, я уже могу говорить.

Нет, время не лечит — время лишь стачивает остроту. И те дыры, которые выжгла во мне та ночь, теперь лишь ноют, как старые шрамы к перемене погоды. Но пустота, которая осталась после гибели друзей, после смерти моего Фредди, осталась такой же огромной. Ее невозможно заполнить — с ней можно просто научиться жить. Да и кто может излечить сердце отца, потерявшего своего сына? Кто вернет прежнее сияние глазам моего Джорджа? Кто изгладит морщины горестей с лица моей Молли? Кто вернет радостные детские воспоминания нашему Гарри?

У каждого из нас своя пустота. Каждый несет ее по-своему. Мы оберегаем раны друг друга, стараемся лишний раз их не беречь. Но бывают мгновения, когда призраки прошлого возвращаются, наполняя нашу маленькую гостиную печальной, чистой тишиной. И тогда мы просто молчим, сидя рядом. Я обнимаю свою Молли, а она — меня. И тепло ее рук вновь и вновь возвращает меня к жизни. Сейчас, когда дети разъехались по своим домам, «Нора» стала такой большой и тихой, а вечера — такими длинными... Теперь у нас много покоя и тишины. Даже слишком много, на мой вкус. Но когда покой превращается в едкую пустоту, нас с Молли спасают наши внуки. Которых, слава небесам, тоже очень

много. И любой из них, едва появившись на пороге, мгновенно заполняет любую пустоту и разгоняет любую тьму... Это наша жизнь, наше дыхание. Наше спасение.

Мне не хватит слов, чтобы описать свою благодарность Гарри за то, что теперь у нас есть возможность спокойно дожить свой век, балуя внуков, помня своих павших и создавая новый, более светлый и радостный мир. Мы не зря верили в него. Наши надежды не были напрасными. Такой юный, переживший столько бед и утрат, он показал себя, как настоящий мужчина и воин. И довел свое дело до конца. Выпив всю отраву до последней капли... Его храбрости хватило бы на четверых. А в его измученном, чистом сердце помещается целый мир.

Я счастлив, что он с нами. И горжусь тем, что Гарри считает «Нору» родным домом. Он — один из Уизли, наш дорогой мальчик. Впрочем, так было почти с самого начала.

Увидеть его мертвым на руках у Хагрида было почти так же ужасно, как потерять Фреда. Еще хуже была мерзкая ухмылка на физиономии Темного лорда, который с наслаждением глумился над ним, над всеми нами. Он надеялся, что смерть Гарри сломит нас, принудит к покорности. Но глядя на лежащее на траве тело, я подумал, что все равно хочу быть с ним. С моим Фредди. С Люпином и Тонкс. Нет смысла цепляться за существование, которое будет контролировать эта змееликая мерзость. Он наслаждается лишь жестокостью и враньем. Но это не жизнь — это медленное и позорное гни-

ение. Гарри отдал жизнь, чтобы мы жили, а не гнили. Мой сын погиб, сражаясь за право дышать и смеяться свободно, без страха. И раз так распорядилась судьба, я пойду за ними следом. Лучше такая смерть, чем такая жизнь...

Если бы вы знали, как я горжусь своими детьми. В ту страшную минуту все они думали точно так же. Никто не дрогнул, не испугался, не сдался. Хотя Джордж от горя был похож на тень, Джинни, потеряв любимого, сгорала в молчаливой агонии, а Рон утратил способность дышать, мои ребята все равно стояли твердо. И когда драка вспыхнула с новой силой, мы все словно превратились в единый кулак. К замку подошло подкрепление, я увидел моего Чарли... Мы все вместе крошили ту плесень, как прогнившие доски. Внутри оставалось только одно желание — вычистить, выжечь всю грязь из Хогвартса, из всего мира. Невозможно описать то горе, которое обрушилось на нас в ту ночь. Но оно все же не сломало нас. Мы устояли. Боль лишь сильнее воспламенила все вокруг. Казалось, что даже воздух превратился в пламя. Моя Молли была, словно богиня мщения, пылающая гриффиндорская львица. Будто сама мать-природа приняла ее облик и сама решила вершить правосудие... О, она всегда была сильной, моя прекрасная мисс Пруэтт. Ни в чем не уступала своим легендарным братьям, даже когда была школьницей. Но в ту минуту, когда она убила Беллатрису, она была поистине великолепна. Всю нашу боль, страх, ярость она обратила в пламя. Что могло противопоставить этому огню безум-

ное чудовище с изъеденной душой, похожей на трухлявый пенек? Никаких шансов.

Они думали, что скорбь сломит нас, что смерть близких лишит нас надежды. Но наши павшие стали нашей отвагой. Нашим знаменем, нашим огнем...

Когда посреди хаоса и пламени вдруг возник Гарри, я подумал о фениксах. Он словно возродился из пепла, вышел из огня. Спокойный, наполненный светом и силой. Даже пространство вокруг него зазвенело от напряжения, пока они кружили, глядя друг на друга. Все ядовитые слова Темного лорда отскакивали от Гарри и бессильно падали, как хлопья сгоревшей бумаги. Гарри без колебаний шагнул навстречу смерти, чтобы спасти нас. И сама смерть склонила голову перед величием его жертвы. И стала ему щитом... Темный лорд тщетно искал малейшую зацепку, хотя бы крохотную щель, в которую можно было ударить и пробить эту невидимую защиту. Но Гарри был для него совершенно недостижим. Ни волнения, ни тревоги, ни капли страха или даже гнева. Он был абсолютно свободен и спокоен, когда предлагал Темному лорду раскаяться. И так же спокоен, когда поднимал свою палочку...

Одним ударом он закончил многолетний кошмар, отдав все свои силы. До последней капли. Трудно сказать, сколько прошло времени после битвы за Хогвартс прежде, чем в его глазах снова появились искры радости, прежняя сила и воля к жизни. Да, это были нелегкие времена для всех нас. При-

знать, в первые дни мне казалось, что мы не справимся. Мы с Молли решили, что будем бороться, пока будут силы. Но дом опустел и стал пристанищем мучительных воспоминаний, семья разваливалась. Бедняга Джордж заперся наверху и медленно сходил с ума. Молли жила от одного дня к другому, сжав зубы, а вечером закрывала дверь нашей спальни и рыдала в подушку, зажимая рот, чтобы никто из детей не слышал ни звука. Бедняга Перси буквально рвал себя на куски, изнемогая от чудовищной вины и горя. Мы с ним загружали себя работой до изнеможения, пропадали в министерстве с утра до ночи. Молчали или говорили только о делах. Перси тогда ютился в какой-то каморке в Косом переулке и наотрез отказывался возвращаться домой. Ему казалось, что Джордж ненавидит его и проклянет, едва увидев. Что ему больше нет места за тем столом, за которым сидел Фред. Что именно он виноват в гибели брата, что именно он сломал жизнь Джорджу... Пару раз в неделю мы просто ходили с ним в один маленький бар, где, пропустив рюмку-другую, то и дело пытались начать разговор. Он снова и снова просил у меня прощения, а я снова и снова пытался убедить его вернуться домой. Преодолеть свой страх и не воздвигать новые стены. Нас и так слишком долго разделяла пропасть...

Только через два или три месяца он решился переступить порог «Норы». Кажется, это был день рождения Гарри, который мы, несмотря на траур, все-таки решили отметить. Просто собраться вместе, съесть вкусный ужин, вспомнить, что

значит быть семьей. В конце концов, мой озорной, остроумный и жизнерадостный Фредди никогда не простил бы нас, если бы мы впали в вечную унылую апатию и отчаянье. Мой мальчик умер с улыбкой на устах...

Перси пришел, когда все уже потихоньку собирались за столом. Не было только Джинни и Джорджа. Он молча обнял мать и сразу поднялся наверх. И через десять минут они с Джорджем спустились к столу вместе. Оба с чуть покрасневшими глазами, но внешне спокойные. Что произошло между ними? О чем они говорили? Не знаю. Главное, что эта стена рухнула. Они снова были братьями.

Именно в тот день мы вставили в наши волшебные часы стрелку с именем Гарри. Уверен, что Фред хотел бы именно этого... Гарри плакал, Молли рыдала навзрыд, обнимая его. Кажется, все тайком смахивали непрошенные слезы. Но это была минута невероятного облегчения. Как новое начало. словно смертная тень покинула наш дом, освободив место для новых историй и радостей. Кажется, в тот день Джордж улыбнулся впервые после смерти Фреда, когда обнял Гарри и подарил ему кулёк конфет-пищалок. И за эту улыбку я был готов отдать всё, потому что каждый шаг, который Джордж делал обратно в мир живых, давался всем нам с чудовищным трудом. Были дни, когда я ловил себя на том, что обдумываю, как буду спасать жену после его смерти. Ситуация казалась безнадежной, он буквально угасал у нас на глазах. И если бы не Рон...

Я не знаю, что бы мы делали. Именно он оказался той скалой, которая удержала наш дом от распада. Вырвал Джорджа из лап смерти и безумия, потом вернул домой Гарри и был с ним рядом до тех пор, пока к нему не вернулась способность дышать... День за днем. Ночь за ночью. Ни одной жалобы, ни тени раздражения! Изнемогая от усталости, забыв о собственном горе. Однажды вечером мы молча стояли с ним на крыльце, подставив лицо теплому летнему дождю. «Ронни, сынок, ты тоже имеешь право горевать», сказал я и поперхнулся. А он вдруг ткнулся мне лбом в плечо... Мой хороший. Мы долго-долго сидели обнявшись, я гладил его по голове и вспоминал тот случай из детства, когда близнецы превратили его игрушечного медвежонка в огромного паука. Бедный Ронни даже кричать не мог, его просто парализовал ужас. И мы точно так же долго-долго сидели с ним. Я прижимал его к себе и что-то рассказывал, чтобы отвлечь, даже пытался что-то петь... Какое это было облегчение — знать, что я могу помочь своему сыну. Взять хотя бы часть той ноши, которую он тащит на своих плечах. В те дни Рон буквально держал на себе всю нашу семью...

С Гарри было почти так же тяжело, как с Джорджем. Он совершенно замолчал и затих, словно превратился в призрака. Днем передвигался по дому бесшумно, как тень, даже наша старая лестница не скрипела от его шагов. Ел так же беззвучно, не звякая ложкой о тарелку. Вообще жил так, будто опасался издать лишний звук, пробудить, расшевелить

застывшую внутри тьму. Оберегая нас от нее. Лишь по ночам мы то и дело слышали его глухие вскрики — Гарри не мог спать из-за постоянно мучивших его кошмаров. Молли ухаживала за ним, как за малышом, вложив в заботы о Гарри всю свою тоску, всю боль и неизрасходованную нежность разбитого материнского сердца. Готовила какие-то фантастические пудинги и десерты, варила вкуснейший какао, сидела с ним рядом, глядя по голове, пока он засыпал. Рон тоже почти не отходил от него. Иногда, когда его мучительная бессонница затягивалась на несколько дней, даже ночевал с ним в обнимку, потому что лишь на его плече бедняга Гарри мог спокойно поспать...

Мы все заботились о нем, как могли. И когда Гарри понемногу начал оттаивать и приходить в себя, он начал по вечерам заглядывать ко мне в сарайчик. Сидел рядом и наблюдал, как я пытаюсь починить какой-нибудь сломанный тостер или приемник. Мне здорово помогала эта возня с отвертками и механизмами. Казалось, что таким образом я чиню свою сломанную жизнь... Гарри это понимал. Иногда он объяснял мне какие-нибудь магловские премудрости, но чаще мы просто молчали и крутили гайки... Однажды мы с ним долго возились с какой-то очередной штуковиной, и в конце концов она вдруг заработала. Включилась лампочка, что-то внутри щелкнуло, будто все детали наконец встали на свои места. И она зашумела. Я нажал на тумблер, отодвинул эту штуку в сторону и молча обнял Гарри. Он был как эта

вдруг загоревшаяся лампочка посреди хаоса безнадежно испорченных приборов... И если я и смог что-то починить, — и ту магловскую железку, и собственную жизнь, — то только благодаря ему. Из всех нас мой мальчик заплатил за эту возможность самую высокую цену...

Когда он сделал предложение Джинни, это ни для кого не стало сенсацией. У них все происходило естественно и спокойно, без напряжения и суеты. Они слишком много пережили, наши дети. И им не нужны были эффектные взрывы эмоций — они искали друг в друге опору и надежное убежище. Целительную тишину и источник силы. Свет и постоянство. Все наши ребята нашли то, что искали. И, соединившись, создали то, что хотели. За что так отчаянно боролись. Лишь те, кто, подобно Гарри и Джинни, Рону и Гермионе, пережил тяжелые испытания и потери, по-настоящему умеет ценить то, что имеет. Признаться, Гарри всегда умел. Его и в детстве можно было порадовать самой пустяковой ерундой — намотав на шею шарф, сунув в карман пакетик карамелек и просто потрепав по волосам. Он вообще самый благодарный и отзывчивый парень, которого я знаю. Я рад, что иногда он приходит ко мне за советом, что я нужен ему, что все еще могу быть для него отцом.

Мы по-прежнему большая и шумная семья Уизли, где все стоят горой друг за друга. Боль утрат сломала немало ветвей, но все же не выкорчевала наше дерево с корнем. Оно по-прежнему растет и зеленеет назло всем черным ураганам.

Жизнь продолжается. А значит, все было не зря.

Глава 9. Драко Малфой

Пожалуй, это самое странное предложение в жизни, которое я принял. Неожиданно даже для самого себя. Первой мыслью было просто послать подальше, но... Много воды утекло с тех пор, многое уже перегорело... Почему бы и нет, в конце концов?

Все называют его днем битвы за Хогвартс. Мне больше подходит слово «конец». Падение, полное обрушение всей жизни, унижение и позор. Для меня это было самое жестокое столкновение с реальностью, какое только можно вообразить.

Тогда я думал только о том, чтобы выжить. Выжить любой ценой. Кинулся за Поттером в выручай-комнату, чтобы выследить, понять его замысел и попытаться перехватить инициативу... Хотя бы так выскрести помилование себе и родителям, отвоевать маленький шанс выскользнуть, уцелеть... Мою голову наполняла только эта мысль. Выжить. Плевать на чертов замок, на чертова Темного лорда и проклятого Поттера, на всех этих прекраснодушных идиотов, которые бросились сражаться вместе с ним. На всю пустую, пафосную болтовню, которой я был сыт по горло. Я не сумасшедший, не герой, как Поттер, и не собираюсь решать чужие проблемы ценой своей жизни. Я просто хочу выбраться из этого дерьма любой ценой. И чтобы меня просто оставили в

покое...

Мы встретились с ним взглядами, потом трепались о чем-то. Про эту идиотскую диадему, за которой он пришел в выручай-комнату... И в одно мгновение все вышло из-под контроля. Несчастный недоумок Крэбб принялся куражиться — решил, наконец, самоутвердиться, нашел время... Непростительные заклятия, а потом в ход пошла совсем темная магия. И через несколько минут я внезапно очутился в огненном море, на крохотном островке. Крэбба поглотил вызванный им же адский огонь. А Гойл вырубился и повис на мне мешком. Я задыхался от жара и ужаса, держал его и при этом еще зачем-то старался сохранять равновесие. Стараясь не упасть. Последние конвульсии обреченного. А полчища пылающих чудовищ подбиралось ко мне все ближе и ближе... Я попытался крикнуть, но получился лишь жалкий, нелепый писк. Честно говоря, для последнего звука в жизни получилось весьма посредственно.

Уже почти сгорая, среди крошечного адского пекла, я вдруг увидел протянутую руку.

Вместо того, чтобы побыстрее убратся подальше из раскаленной печки, в которую стараниями Крэбба превратилась выручай-комната, Поттер упрямо искал нас. Кинулся... Гойла втащил на свою метлу Уизли со своей зазубой. И едва я нашел, за кого ухватиться, уже через мгновение тот крохотный остров, на котором мы балансировали, поглотили гудящие волны огня.

В том пожаре безвозвратно погиб весь мир, который был мне знаком. Все сгорело дотла. Идеи, привычные представления об иерархии, все, что казалось важным, ценным, оказалось пустой соломой, которая мгновенно обратилась в дым. Все, чему меня учили с пеленок, что я считал правильным, оказалось никчемной болтовней. Мусором. Лежа на полу, задыхаясь от кашля, я даже не был уверен, что сам еще существую. Было даже странное ощущение, что сознание существует отдельно от туловища. И когда меня едва не прикончил какой-то пожиратель, я услышал свой собственный голос как бы со стороны. «Я Драко Малфой, я один из вас...» Потом чей-то сильный удар по физиономии снова вернул меня в реальность, в мое собственное тело. И, вытирая кровь с разбитой губы, я снова уцепился за единственную мысль, которая по-прежнему упрямо билась в голове, как жук в банке: я не хочу умирать вот так.

«Я один из вас...» — ложь, разумеется. Первая пришедшая в голову фраза, выплюнутая в попытке спастись. К тому моменту я уже был никем. Прошлое сгорело вместе с остатками гордости. С тупицей Крэббом. С моей верой в отца и мать. С той диадемой, которую Поттер выхватил из пламени и которая распалась у него в руках. Я был один во вселенной. И даже вселенная теперь рассыпалась у меня на глазах с грохотом и свистом. Ни с одним живым существом в мире у меня больше не было ничего общего.

Ни с кем, кроме...

Да. Только та обожженная, испачканная рука, протянутая посреди адского огня.

Я сам не верю тому, что произнес это вслух. Но если уж вспоминать былое, врать и притворяться ни к чему...

Больше в той заварухе я не участвовал. У меня не было палочки, поэтому самое разумное, что я мог сделать — это найти надежное укрытие. Грохот битвы то и дело перемещался, отдаляясь, становясь глуше. Я забился в угол, прислушивался и просто ждал. Как животные забиваются в щели, пережидая бурю.

Через некоторое время над замком снова загрохотал голос Темного лорда. И все стихло. «Один час...» Все, что я знал про Поттера, свидетельствовало о том, что он выполнит ультиматум. Этот невыносимый кретин всегда был таким. Он сдастся, это очевидно. И что дальше? Перспектива показалась мне настолько чудовищной, что на мгновение я даже пожалел о том, что не сгорел вместе с Крэббом. Надо выбираться. Один час... Я не имел понятия, живы ли родители. У меня не было палочки. Я вообще не знал, что делать. Бежать или остаться. Выйти или продолжать прятаться. Меня будто разбил паралич — я не мог заставить себя даже пошевелиться, даже просто сменить позу или встать на ноги.

Из оцепенения, в котором я потерял счет времени, меня вывел лишь очередной громовой залп — голос Темного лорда, взорвавший черноту ночи. «Гарри Поттер мертв... Убит при попытке к бегству... Сражаться бессмысленно... Поща-

жу всех, кто преклонит колени...»

Звук его голоса раздирал кожу, как железный крюк. Но я ему не верил. Я больше ни во что не верил. Все вокруг было одной сплошной ложью. Я видел Поттера ежедневно в течение шести лет. И ни разу не видел, чтобы он струсил. И если он и умер, то только потому, что выполнил выдвинутый ему ультиматум, а не потому, что пытался сбежать. Сколько мы смеялись над его нелепым геройством... Все ложь. Как и заверения о пощаде. Как и трёп о строительстве нового мира... Только ложь и ничего больше. Все, что Темный лорд строил до сих пор — это трон для себя и тюрьму для всех остальных. Я слишком долго наблюдал за этим. Слишком долго был слепым щенком. Угодить отцу, заслужить одобрение безумной тетки Беллатрисы, лезть из кожи вон, чтобы выполнить приказ Темного лорда... А в финале — лишь адский огонь. И парализующее одиночество...

Я даже не помню, почему я все-таки встал и пошел вниз, в Большой зал. Наверное так приговоренные идут на казнь. Механически переставляют ноги, приближаясь к эшафоту. Я с удивлением понял, что больше не чувствую страха. Мне вдруг стало все равно, что будет дальше. Мне было плевать, умру я или Темный лорд пощадит меня, как обещал. Все сгорело дотла. А теперь и тот, кто выдернул меня из пламени, мертв. Моя самая последняя правда...

Я спустился и незаметно слился с толпой. Почему-то хотелось своими глазами увидеть... Удостовериться, что хотя

бы в этом мне не солгали. Что Поттер и вправду погиб. Но мне не удалось ничего разглядеть — снова началось какое-то движение, потом крики, и тишина ночи снова взорвалась. В этом хаосе невозможно было ничего разобрать, я просто бросился в сторону, чтобы найти укрытие, скрылся среди обломков мебели и мертвых тел. Я лежал под куском скамьи, вжавшись в пол, и слушал свист заклятий. Слышал хохот Беллатрисы и гневный вопль Темного лорда, на глазах которого она погибла. А потом...

Поклонники Поттера вам наверняка красочно опишут свой восторг от его внезапного появления. Я никакого восторга не ощутил. Меня снова парализовало. Я сел, вцепившись в ту деревяшку, за которой прятался. Уставился на него и просто оцепенел.

Новость о смерти Поттера, возвещенная полчаса назад с таким пафосом, тоже оказалась ложью. Как и все остальное, что говорил и обещал Темный Лорд. Едва я взглянул на них, как снова почувствовал собственное живое тело.

Вокруг снова было адское пламя. Я снова балансировал на куске дерева, используя его в качестве щита и опоры. И снова видел лишь испачканные, обожженные руки... Они о чем-то долго говорили — я не помню ни единого слова. И вообще ни о чем не думал. Я просто смотрел на то, как Поттер сжимает в пальцах мою палочку.

Все вокруг было ложью и мусором. И только это было правдой, понимаете? Эта рука.

Один взрыв столкнувшихся заклятий — и все.

Потом началась свалка. Поклонники принялись рвать своего спасителя на части, а на меня через несколько мгновений налетела моя мать. Они с отцом обнимали меня, мать плакала, отец пытался выдавить из себя какие-то слова. Но все это было словно пепел. Далеким отголоском полузабытого сна. Я не мог их узнать. Словно видел их впервые в жизни.

Это странное ощущение длилось долго. Сначала нас взяли под стражу, потом заперли в Малфой-мэнор под арестный надзор. И все то время, что мы там пробыли, я тщетно пытался вспомнить, что значит — быть их сыном. И не мог. Их сын сгорел, его больше не было. А у меня не было вообще ничего, кроме вселенской пустоты, в которой монотонно звенела одна-единственная мысль. Что я все еще жив...

Наваждение кончилось только в суде. Когда шаг за шагом пришлось пройти через все эти унижения, положенные всем выжившим побежденным. Поттер был там, разумеется. Он как главный свидетель давал показания. И о подвалах Малфой-мэнор, и обо всем остальном. Там я впервые услышал, что моя мать была единственной, кто знал, что Гарри жив. И намеренно солгала Волдеморту... Только тогда внутри что-то снова зашевелилось. Что-то похожее на узнавание.

Так в космической пустоте появилась и вторая правда — у меня все-таки была мать.

В конце судебного заседания, когда нас полностью выпотрошили, а потом великодушно оправдали, Гарри подошел

ко мне и молча протянул мне палочку. Ту самую, из боярышника, которой он все закончил. Мы встретились взглядами. Я снова посмотрел на его руки. Машинально взял палочку, кивнул... Мне нечего было сказать. Он — победитель, я — побежденный. Он окружен всеобщим почитанием и славой, я — тот, кто избежал смерти и тюрьмы только благодаря его великодушию. Он — Мальчик-Который-Выжил. Я — опозоренный, втоптаный в грязь и сгоревший дотла. О чем нам было говорить?

Что было дальше?

Находиться в Мэнор я не мог. И отца видеть не мог. Мать поняла это без слов, поэтому сразу же, как только мы вышли из зала суда, оформила что-то и через несколько часов мы с ней уже были во Франции... Мы слонялись по Европе почти год. Даже побывали за океаном. Отец все это время был дома, ремонтировал особняк. Проще простого — перекрасить стены, перестелить полы, выбросить испорченные ковры и купить новую мебель. Но чтобы отвоевать, вернуть себе дом по-настоящему, изгнать из него страх, крики жертв, всю эту зловонную грязь и ложь... Одного ремонта недостаточно. И это стало понятно сразу, как только мы вернулись. Я провел в Мэнор около недели и снова удрал. Отец упорно пытался делать вид, что ничего не произошло, и это жалкое притворство было еще хуже предыдущего. Я больше не мог это выносить... Нашел какой-то убогий угол в Косом переулке и жил там пару месяцев, практически не выходя на улицу. Пытался

понять, как быть дальше. Кто я вообще — без фамильной гордости и роскоши, без папиных идей и матушкиной опеки. Пару раз едва не потонул в этой пустоте. И тогда снова выяснилось, что по-настоящему опереться я могу лишь на ту правду, которую нащупал в ту ночь. Та рука, протянутая посреди адского пламени... Она снова спасла меня.

Поэтому, как видите, я все еще жив. Давным-давно приобрел новую палочку. В конце концов вернулся в Малфой-Мэнор, женился, и, как положено, произвел на свет законного наследника. В целом, все гораздо лучше, чем могло бы быть. Я больше не верю ни в какую болтовню. Не цепляюсь за мусор. Не чешу прошлое и не заглядываю в будущее. И правда, которую я увидел той ночью, с тех пор всегда у меня перед глазами. Поэтому палочку из боярышника я храню в особом футляре над каминной полкой. Она служит вечным напоминанием о том, какой дорогой ценой далось мне возвращение в реальность. Можно, конечно, убрать с глаз долой, отец время от времени взрывается негодованием, пытается требовать... Но я не позволяю никому к ней и пальцем прикасаться. Даже футляр от пыли протираю только сам... Это ежедневное упражнение для меня мучительно, унижительно и, одновременно, спасительно для моей семьи. Потому, что лишь правда по-настоящему дает жизнь. Не деньги, не идеи, не амбиции. Даже не кровные связи... Впрочем, для отца это по-прежнему лишь мучительное унижение. Он, в отличие от матери, так и не вернулся в реальность из своего

царства погибших иллюзий...

Добавлю лишь одно: к двум обретенным тогда истинам со временем добавилась третья. Мой сын Скорпиус. И если кто-то попыбует наполнить его жизнь мусором и враньем, клянусь, даже адский огонь ему покажется холодным...

Не ждите от меня иных признаний.

Я и без того сказал гораздо больше, чем позволительно.

Глава 10. Минерва Макгонагалл

Сидя в уютном директорском кресле Хогwartса и глядя на яркое пламя в камине, я чувствую леденящий холод каждый раз, когда думаю о тех днях. Я знаю их всех по именам — тех, кто покоится на Аллее павших. Время от времени произношу их, медленно, пытаясь вспомнить лица и голоса. Одного за другим. Ведь почти все из них были моими учениками...

«Мы пережили страшные времена». Фраза банальнейшая, конечно. Был период, когда министерские чиновники производили ее так часто и с таким нарочитым пафосом, что меня до сих пор от нее передергивает. Слова никак не выражают то, что случилось тогда со всеми нами.

Конечно, мы все пережили. Но даже на древних камнях нашего замка навсегда остались шрамы той войны. И я знаю наизусть все отметины и заплатки. Где была заново отстроена стена, где были полностью перестроены переходы и заменены окна, где навсегда остались борозды и выбоины от заклятий... Древний и мощный, таящий в себе множество тайн и невероятную магическую силу, Хогwartс все же сильно пострадал тогда. Что же тогда говорить о живых человеческих душах? И я не исключение... Поверьте: в этом не было ничего пафосного или красивого. Мы прошли через ад. И каждый, кто выжил, носит в груди черный, колющий осколок той ночи...

Страшной была не только битва за Хогвартс. Лютые времена наступили гораздо раньше: когда пало министерство, к власти пришел Темный лорд, а убийцу Дамблдора, ненавистного нам всем Северуса Снейпа назначили директором. Весь порядок, учебный план, многолетние традиции были изуродованы до неузнаваемости — Хогвартс стал больше походить на тюрьму, а не на школу. Безмозглые Кэрроу, осатанев от вседозволенности, распоряжались везде и всюду. Снейп практически не покидал свои комнаты и от школьных дел совсем отстранился. Я помню только два или три случая, когда он брал на себя труд разобраться какие-то серьезные происшествия. Избавил от пыток Невилла, Джинни и Полумну, когда их поймали за попыткой украсть меч. Алекто едва не лопнула от досады, когда вмешался директор и, отменив публичную экзекуцию, отправил провинившихся на недельную отработку к Хагриду. Я, признаться, уже была готова применить силу... Не пришлось, по счастью. А вот в чудовищную историю с Корнером Снейп вмешался, к сожалению, с большим опозданием. И меня тоже до сих пор меня гложет совесть. Хотя деканов оповестили о случившемся, только когда экзекуция уже закончилась. Помню, как бежала вниз, в Большой зал и уже на мраморной лестнице столкнулась с носилками. Майкла несли в больничное крыло. Это был настоящий кошмар. Не знаю, каким чудом я не пришибла на месте этих извергов. За десять дней Майкл Корнер полностью поправился, инцидент наделал много шума, после чего от-

кровенные изуверства прекратились. А цепи и пытки были отменены. Выходит, что бедняга Корнер ценой чудовищных мук купил для остальных немного покоя и безопасности. Амикус, конечно, по-прежнему давал волю гневу, но хотя бы круциатус больше ни к кому не применял... На Невилла временами страшно было взглянуть. Но этот мальчик словно забыл о боли и страхе. Откуда в робком, неуверенном ребенке вдруг появилось это неукротимое упрямство и стойкость? Он вытирал кровь с губ и просто смеялся в тупые физиономии своих мучителей. И продолжал делать то, что считает правильным...

Дети сопротивлялись, как могли. Помню, как Джинни Уизли целую неделю ходила с какой-то мерзкой надписью, которую Алекто повесила ей на шею. У девочки ни один мускул на лице не дрогнул. Зато Гриффиндор буквально взорвался негодованием. Каких трудов мне стоило успокоить разгневанных подростков! Мои безудержные, юные львята, по счастью поняли мои намеки и открытых протестов не выражали, но ежедневно доводили Кэрроу до бешенства тем, что приветствовали Джинни, словно королеву. Каждый раз, когда она входила в класс, библиотеку, Большой зал или проходила мимо по коридору, все гриффиндорцы поворачивались к ней и поднимались с мест. Спокойно и молча. Кто-то даже ладонь к сердцу прикладывал, чтобы усилить эффект. Наказывать их было не за что, ведь они не нарушали никаких правил. Но Алекто каждый раз, когда видела этот церемони-

ал, визжала и билась в припадке. Эта невежественная хамка, даже получив место преподавателя, по-прежнему оставалась жалким ничтожеством. А Джинни Уизли даже с этой мерзостью на шее была той же яркой, неукротимой искоркой, полной достоинства и силы, какой была всегда. Слизеринцы хихикали, гриффиндорцы выказывали ей королевское почтение, а Джинни даже виду не показывала, что у нее на душе. Это произвело впечатление на всех. Спустя неделю Алекто поняла, что сама стала всеобщим посмешищем, и отменила наказание...

И все же несмотря на все притеснения за Джинни я не так волновалась, как за младшекурсников. Бедные дети жили в постоянном страхе, в удушающей атмосфере цинизма и жестокости. Некоторых провинившихся первокурсников Кэрроу со смехом отправляли выпускному курсу в качестве подопытных животных — чтобы те могли оттачивать на них непростительные заклинания. Это было хуже всего. Мы с Помоной и Филиусом изобретали самые разнообразные способы избавлять учеников от наказаний. В конце концов в ход пошли даже товары из «Зонко» и незаменимые лакомства от близнецов Уизли, благодаря которым отстающие по каким-нибудь предметам могли внезапно «заболеть», а умница Поппи на ходу придумывала им самые тяжелые диагнозы и забирала в больничное крыло...

Мы делали, что могли. Но этого было недостаточно. Признаться, никогда в жизни мне не было так тяжело. Даже когда

я узнала о женитьбе моего первого возлюбленного, Дугала. Даже когда умер мой дорогой Элфин... Этот год в Хогвартсе был настоящей пыткой. День за днем, неделю за неделей меня разрывало от гнева, боли и бессилия. Сколько раз мне приходилось вцепляться ногтями в собственные ладони, чтобы сдержаться, промолчать. Разумеется, я ни капли их не боялась. Каждого я сумела бы развеять по ветру за тридцать секунд. Но что толку? На их место пришлют других негодяев, еще более глупых и свирепых. А мне придется уйти в подполье, и у меня больше не будет возможности защищать учеников. Их и без того некому защитить...

Мы держались. Читали отвратительную писанину в «Ежедневном пророке», злились, пытались помогать друг другу и не падать духом, хотя последнее давалось с невероятным трудом. После успешного налёта на министерство, когда Гарри освободил нескольких маглорожденных волшебников, хороших вестей не было. Он словно испарился, исчез с лица земли. И Хогвартс будто медленно засасывало в зловонное болото страха, лжи и тупой жестокости. И чем больше проходило времени, тем сильнее нас охватывала бессильная безнадежность. Каждый раз, открывая «Ежедневный пророк» и читая очередной пасквиль о Мальчике-Который-Выжил, я бросала газету в камин. Я знала Гарри. Но другие не знали его так же хорошо, как я. Многие начали колебаться и сомневаться. По коридорам школы поползли слухи, один другого гаже. Что Поттер давно убит, что он

давно покинул страну, что он в Азкабанае (причем, находились люди, которые подтверждали эту информацию, ссылаясь на свои связи в министерстве). Всех занимало его бесследное исчезновение, кто-то злился, кто-то злословил. Серые дни были похожи на остывающий клей, они длились вечно и вытягивали из души все жалкие крупички надежды и радости. Только наши ученики продолжали сопротивляться. Они нашли надежное укрытие и прятались. То и дело из классов кто-то бесследно исчезал. Майкл Корнер, близнецы Патил, Симус Финнеган... Я понимала, что они где-то в замке — Хогвартс превратился в настоящую клетку, оттуда невозможно было выбраться. Но найти их никто не мог. Снейпу было на все наплевать, а многочисленные попытки Кэрроу обнаружить тайник не увенчались успехом. Признаться, и мы с Флитвиком немного приложили к этому руку. У нас был список членов инспекционной дружины и все-таки мы, в отличие от Кэрроу, кое-что смыслим в волшебстве...

Я хорошо помню тот день. После обеда прибыла почта, и уже через несколько минут Большой зал заполнил торжествующий крик Терри Бута. «Новости! Потрясающие новости! Они ограбили Гринготтс!» Амикус рассвирепел, снова дал волю своим кулакам. Но это не могло погасить радость, которая вспыхнула в школе, подобно факелу. Гарри был жив и на свободе. И он действовал! Мы понятия не имели, чем именно он занят, но всем было очевидно, что он не стал бы

так рисковать жизнью лишь ради развлечения... И от вести, что им удалось ускользнуть, у нас будто крылья выросли. Соппротивление не угасло! Наша надежда снова поднялась и расправила плечи...

Дальнейшее вам известно.

Гарри вернулся в Хогвартс. И это был не растерянный школьник — это был настоящий воин. Настоящий лидер. Мы слушались его беспрекословно, не задавая вопросов. За крохотный промежуток времени он успел подумать обо всем — об обороне Хогвартса, о срочной эвакуации детей, о своей неведомой миссии, которую рвался выполнить как можно скорее. Единственное, о чем он не думал — это о себе самом. Гарри летел к цели, как стрела, выпущенная из лука...

Мы все слышали тот ультиматум. Час, растянувшийся в изматывающую бесконечность. А в конце...

Простите. Тяжело вспоминать даже сейчас. Кажется, это был единственный раз, когда я дала волю чувствам в присутствии других людей. Но увидеть Гарри на руках у рыдающего Хагрида было хуже, чем умереть самой.словно табуретку выбили из-под ног и мы все повисли в петле... Мне будто сердце вырвали. Нелепо отрицать: он всегда был для меня особенным мальчиком. Горячий, честный, отважный, как его отец. Добрый и умный, как мать. Ох, каким ярким пламенем порой вспыхивали эти изумрудные глаза за стеклами очков!.. Я много лет наблюдала за тем, как он растет. Старалась быть с ним так же справедлива, как и с другими, но он

все равно всегда был для меня не просто учеником. Глядя на него, я видела и того спящего малыша, которого мы оставили на крыльце у Дурслей. И чуть испуганного мальчонку в заклеенных очках, который, впервые прибыв в Хогвартс, ошалело озирался вокруг. И счастливого ловца, который с триумфом приземляется на землю, держа в руках пойманный снитч. И того перепачканного с ног до головы, переполненного ликованием парнишку, который однажды ввалился в учительскую, держа в руках окровавленный меч Гриффиндора и привел спасенную им Джинни Уизли... Горячая безудержность Поттера, великое сердце Лили Эванс, его собственный, зрелый не по годам характер. Гарри набирал силу у меня на глазах, превращаясь из тощего птенца в сильного, тренированного молодого человека, который, кажется, вообще не ведает страха и никогда не сдается. Альбус видел в нем нашу главную надежду и не раз прямо говорил мне об этом. Снейп, кажется, так же неистово завидовал знаменитому сыну, как когда-то завидовал его талантливому и успешному отцу. Он так и не смог справиться со своей застарелой ненавистью к Джеймсу... Я наблюдала, как Гарри взрослеет, и ловила себя на том, что я попросту боюсь за него. Не только Альбусу Дамблдору он был особенно дорог...

Та минута полного отчаяния была самым страшным мгновением моей жизни. Казалось, что небеса рухнули нам на голову. Что в мире больше не осталось ни добра, ни справедливости. Что жизнь моя прожита напрасно, бесцельно —

мне не удалось ни защитить своих учеников, ни уберечь их от ядовитого смрада...

Но это была лишь минута. Потом великолепный, пылающий от ярости, упрямый и несгибаемый Невилл разрубил смоляную тьму одним ударом. Морок отчаянья исчез мгновенно — осталась только отчаянная решимость стоять до конца. Что ж, двум смертям не бывать, одной не миновать. И лучше сделать это вместе с Гарри, Люпином, Тонкс и Фредом Уизли, чем влачить жалкое существование в рабстве у подонков...

Как мне хотелось самой прикончить этого мерзавца, если бы вы знали! Но даже наших объединенных усилий не хватало. Хотя нельзя сказать, что Кингсли, я и Слизнорт неопытные неумехи. Реддл криво ухмылялся, раскидывал нас в стороны снова и снова, пока...

Пока, подобно молнии, в Большом зале снова не появился Гарри. Да, в ту минуту он действительно был похож на молнию. Это была какая-то магия, которую я не знаю. Я глядела на него и будто видела впервые, понимаете? Перед нами был не мальчишка-подросток, даже не воин — он был будто герой из мифов, вернувшийся из царства теней. Передо мной стоял человек, совершенно свободный и излучающий такую мощь, что мы едва могли вздохнуть. При этом он был абсолютно спокоен. Кристальная ясность мысли. Полная концентрация. Полагаю, Темный лорд впервые испытал настоящий страх именно тогда: когда встретившись взглядом с Гарри,

прочитал в его изумрудных глазах свой приговор...

Еще мгновение величайшего напряжения, взрыв — и все было кончено. Я еще несколько минут не могла в это поверить. Войне, которая длилась едва ли не половину моей жизни, положил конец именно он. Наш мальчик со шрамом в виде молнии, который сам обрушился на монстра, подобно молнии...

А дальше была оглушительная тишина и опустошенность. Каждый переносил ее по-своему. Сначала были стоны раненых и плач тех, кто потерял близких. Самые невыносимые в нашей жизни похороны... А потом снова — за работу. Нам, преподавателям Хогвартса, нужно было спасти и восстанавливать замок, чтобы успеть подготовиться к следующему учебному году. Оповестить и собрать волонтеров, всех разместить и организовать, наладить работу, доставку стройматериалов и продуктов. Я старалась так занять голову и руки, чтобы некогда было даже вздохнуть. Я бежала наперегонки с горем, со свинцовыми мыслями и черными угрызениями совести. Полагаю, все пытались убежать, каждый по-своему. Кто-то, как я, изматывал себя работой, кто-то уехал на время подальше из страны, чтобы ничто — ни пейзаж, ни чужеземная речь — не вызывало никаких ассоциаций.

Гарри вернулся в замок примерно через неделю. Бледный, похудевший и совершенно угасший. Он тоже взялся помогать с ремонтом. И поначалу я то и дело натыкалась на изумленные взгляды людей, наблюдающих, как легендарный спа-

ситель волшебного мира, весь в пыли и саже, целыми днями переносит ведра с известью, переправляет на верхние этажи тяжелые камни или, поднявшись на метле к потолку, очищает от копоти огромные старинные витражи... Ему страшно досаждало всеобщее внимание. Гарри буквально физически мучился от бесконечных взглядов и перешептываний. Однажды в замок проникли какие-то репортеры. То ли хотели взять какое-то интервью, то ли просто сделать пару сенсационных фотографий... В общем, Гарри сорвался. Сильно вышел из себя. Но он даже не успел достать волшебную палочку — его тут же окружила группа очень сердитых ребят. Они закрыли Гарри собой. И готовы были сражаться за него... Сражаться вместо него, потому что у него не было на это сил. В общем, настырным репортерам пришлось спастись бегством, а Гарри, переведя дух, снова принялся ворочать камни и перетаскивать вёдра.

В те дни мне было очень больно смотреть на него. Ему даже восемнадцати еще не было, а сердце этого юного парня будто только пепел остался. Но Гарри держался героически. И, как всегда, все прятал в себе. Только Джинни могла как-то с ним взаимодействовать — остальные натывались на неприступную стену. Он не грубил, не злился. Просто молчал. Вздыхал, извинялся и уходил. В какой-то момент я пригласила его к себе в кабинет, попыталась немного поговорить. Осторожно завела разговор о дальнейших планах — ведь, как бы там ни было, но Гарри, Рон и Гермиона не за-

кончили обучение. Выпускной седьмой курс. Я ломала голову, как устроить все так, чтобы их никто не дергал... Гарри, вздохнул и, поевшись, сказал, что пока не думал о планах на будущее. А потом поднял голову, и на секунду или две мы встретились взглядами. Этого было достаточно. Я сразу поняла: он не вернется. Такое испытание не под силу даже ему... Даже если бы мы придумали способ уберечь их от назойливых почитателей. После всего того, через что ему пришлось пройти, снова садиться за парту и делать вид, что ничего не случилось? Каждый день спускаться в Большой зал и обедать как ни в чем не бывало? Это было совершенно невозможно...

Впрочем, любителям сплетен придется прикусить языки: Гарри Поттер недоучкой не остался. Спустя год или два, придя в себя, Гарри сам попросил помочь ему с некоторыми курсами. И я лично занималась с ним трансфигурацией. Причем, весьма успешно. Знаю, что во время юниората в Академии он учился прекрасно. И наверстал все, что было необходимо. Гарри в принципе всегда был неглупым и талантливым парнем. Ему нужно было лишь обозначить цель, сделать так, чтобы он понял смысл того, что и зачем делает — и Гарри уже ничто не остановит. Семейная неустойчивость...

Он по-прежнему занимает особое место в моем сердце. Я горжусь тем, что была его деканом и преподавателем. Что сражалась с ним рядом в ту ночь. И не могу описать, как радовал меня каждый новый его успех. Он бывает у нас

несколько раз в год, с открытыми уроками по защите от Темных искусств. Чтобы встретиться с «Отрядом Поттера», который возник на Гриффиндоре сразу же после возобновления учебы. Сейчас, спустя много лет, отряд по-прежнему существует и в нем состоят представители всех четырех факультетов...

Гарри знает, что Хогвартс по-прежнему его дом, где ему всегда рады. Что в его стенах он всегда найдет убежище и дружескую помощь. Мне кажется, после той ночи у Гарри возникли совершенно особенные отношения с древним замком. Хогвартс будто обнимает его — не как бывшего ученика, а как наследника великого Годрика Гриффиндора. Что, впрочем, не слишком далеко от истины...

Ночь битвы казалась нам бесконечной. Она оставила множество незаживающих ран — и на сердце, и на совести. Достаточно ли я сделала, чтобы уберечь своих львят от смерти? Могла ли спасти Колина Криви, этого восторженного, отважного мальчишку, который хитростью пробрался назад, чтобы сражаться вместе со своим кумиром, рядом с Гарри Поттером... Могла ли сделать что-нибудь, чтобы спасти Фреда? Лаванду Браун? Прошло много лет, но ответа нет до сих пор. И вряд ли появится. Даже в самые счастливые и прекрасные дни я закрываю глаза и вспоминаю их лица и имена. Мальчики и девочки, мужчины и женщины, которые так и не увидели прекрасный рассвет новой жизни. Почему они, а не я? Если бы я была более внимательной и усердной, возможно,

кто-то из них остался жив...

Историю нельзя переписать. И, разумеется, нет смысла изводить себя бесплодными сомнениями. Поэтому все, что я могу сейчас — это приложить все свои силы, чтобы не допустить повторения этого кошмара. Чтобы эти страшные жертвы были не напрасны.

Мы похоронили их с почестями, мы оплакали их, как героев. Мы предали их земле, словно драгоценные зерна. Новый мир растет из семян великого самопожертвования. И тех, кто упокоился на Аллее павших. И тех, кто выжил, но расплатился за ту победу разбитым сердцем и вечной болью утраты. Мало кто осознает до конца, какую чудовищную жертву принес тогда Гарри и какой груз он несет на своих плечах с тех пор. Но его решимость защищать других любой ценой по-прежнему неизменна. Лишь это всегда дает мне силы: Мальчик-Который-Выжил никогда не сдастся. А значит, и у меня тоже нет на это права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.